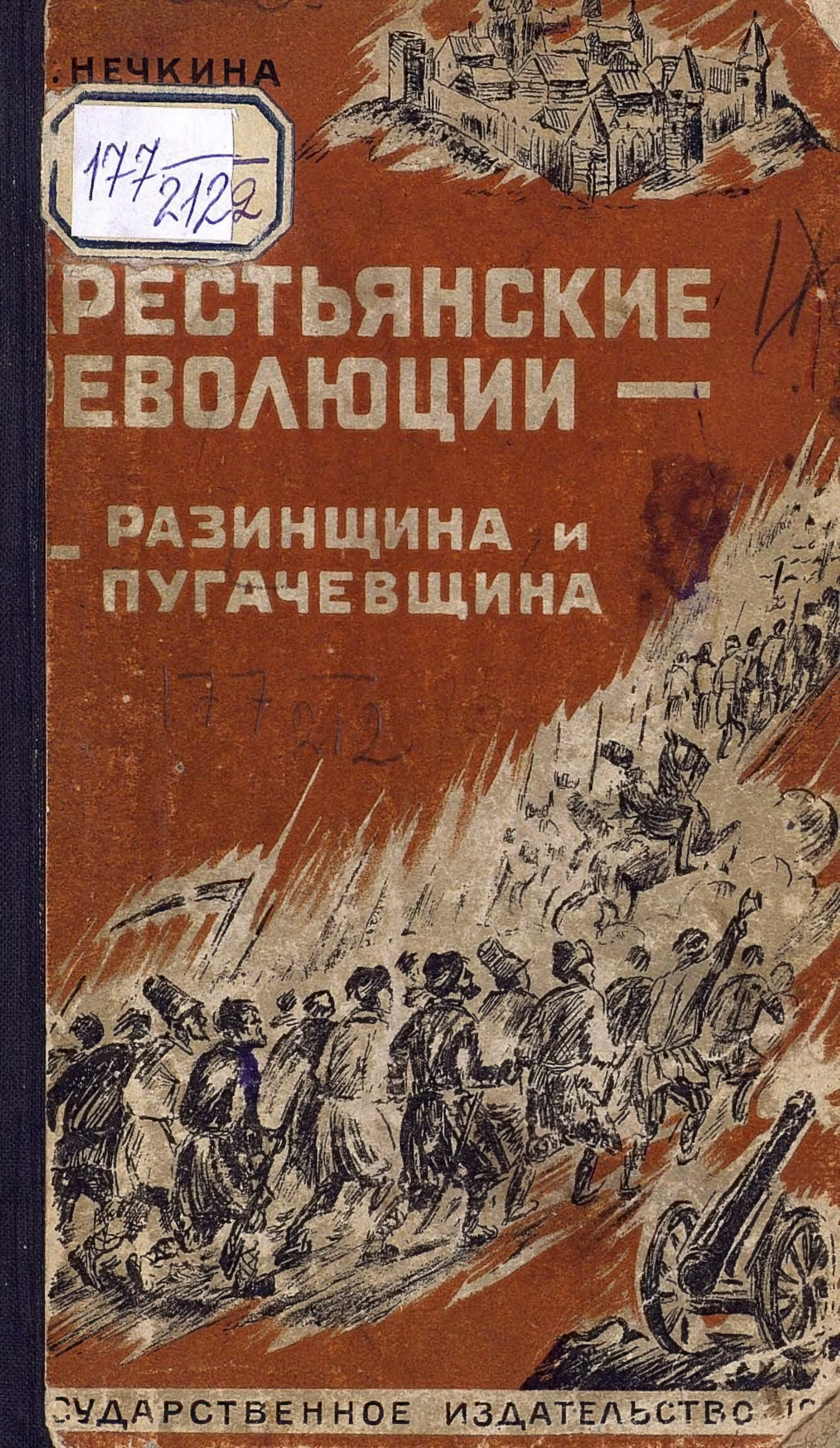

НЕЧКИНА
КРЕСТЬЯНСКИЕ
РЕВОЛЮЦИИ —
— РАЗИНЩИНА и
ПУГАЧЕВЩИНА
СУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

РАБОЧАЯ ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
СЕРИЯ ПО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЮ

М. НЕЧКИНА

КРЕСТЬЯНСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ
РАЗИНЩИНА и ПУГАЧЕВЩИНА

Комиссией по учебникам при Главсоцвосе допущено в рабочую школьную библиотеку

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Валовая, 28.
Главлит № А-53126. У. 28.
Гиз 36550. Заказ № 3510.
Тираж 10 000 экз. 7 п. л.

ОТ АВТОРА.

Настоящая книжка входит в серию «Рабочая школьная библиотека по обществоведению» и предназначается для V года обучения (II ступень). Этим определяются ее особенности. Она тесно связана с программой обществоведения и с «Рабочей книгой по обществоведению для V года обучения» (составлена под общим руководством подсекции подростков Научно-политической секции Гуса, М. — Л., Гиз, 1929). Цель настоящей книжки — дать ребятам 11—12 лет, школьникам V группы, простой, по возможности, живой рассказ о разинщине и пугачевщине, который дополнял бы и расширял их представление, полученное из «Рабочей книги».

Автор ставил себе целью дать прежде всего конкретную картину разинщины и пугачевщины, но картину на основании документальных данных. Эта книжка — все же исторический очерк, а не художественный рассказ: там, где молчали документы, молчит и автор работы. По возможности все красочное и доступное для указанного возраста из документов извлечено и использовано, но ничего «выдуманного» в книге нет. Цель чисто художественной картины исторического прошлого должна преследоваться особым типом подсобной школьной литературы — художественными рассказами о классовой борьбе прошлого, написанными для ребят. Такая историческая беллетристика должна обслуживать школу совместно с рабо-

тами, более близкими к научному типу, с историческими очерками. Но, предлагая работу для ребят 11—12 лет, было бы неправильно давать лишь конкретную картину и совершенно отказаться от исторического обобщения, от известных выводов из материала. Как ни юн будущий читатель этой книжки, но он бесспорно нуждается в обобщениях, в выводах. Основной же вывод, который книжка стремится дать ребятам, таков: «Все попытки мелкой буржуазии вообще, крестьян в частности, осознать свою силу, по-своему направить экономику и политику, кончались крахом» (Ленин). Лишь под руководством пролетариата крестьянство смогло притти к победе. Конечно, этот вывод автор стремился дать в самой краткой и простой форме и показать на конкретном материале.

Термин «крестьянская революция», конечно, условен, но употреблен в книжке как вошедший в школьный обиход.

Некоторые из приведенных в книге иллюстраций взяты из музеев и публикуются с их разрешения; из Музея революции СССР (Москва) взяты картины: «Расправа с разинцами у Арзамаса» (худ. Горелов), «Казнь Разина» (худ. В. Н. Пчелин), «Рабочие привозят к Пугачеву пушки» (худ. М. И. Авилов), «Пугачев в деревне среди крестьян» (худ. Н. Дроздов); из Государственного исторического музея взяты: портрет Пугачева, нарисованный по портрету Екатерины II, и диаграмма — состав населения России.

М. Н.

1. КОГДА БЫЛИ РАЗИНЩИНА И ПУГАЧЕВЩИНА.

Триста лет тому назад на землях нашего Советского Союза находилась царская помещичья Русь — Московское государство. Главную массу трудящихся Московского государства составляли земледельцы-крестьяне. Труд крестьянина был главным производительным трудом, на нем основывалась вся жизнь и вся сила Московского царства. Рабочего класса тогда еще не было. Но крестьянин не был свободен и не мог распоряжаться, как хотел, своим трудом. У власти стояли эксплоататоры крестьянства — помещики-крепостники, крупные землевладельцы. Самодержавие было диктатурой крепостников. Его первой задачей была охрана права землевладельца-крепостника эксплоатировать труд крестьянина, охрана крепостничества. Самодержавие было сторожем крепостничества.

Крестьянство вело борьбу со своими угнетателями. Этой борьбой наполнена история 17 и 18 веков, о ней и будет рассказано в этой книжке. От отдельных вспышек недовольства, брожений, разрозненных бунтов крестьянское движение переходило к другим, более грозным для эксплоататоров формам борьбы — к крестьянским войнам, крестьянским революциям. Разинщина и пугачевщина — крестьянские революции.

Разинщина названа так по имени своего вождя, казака Степана Тимофеевича Разина. Царское прави-

тельство жестоко расправилось с разинщиной и подавило ее. Но крестьянские волнения не исчезли. Они снова вспыхивают то тут, то там, выливаются в отдельные восстания, и, наконец, через сто лет после разинщины, в 70-х годах 18 века, то есть немного больше полутораста лет тому назад, загораются пожаром новой крестьянской революции — пугачевщины. Она названа так по имени своего вождя, беглого казака Емельяна Ивановича Пугачева. О разинщине и пугачевщине и будет итти речь в этой книжке.

2. КАК ПОМЕЩИКИ ЗАКРЕПОСТИЛИ КРЕСТЬЯН.

Земля, на которой пахал и сеял крестьянин, считалась в большинстве случаев не крестьянской, а барской, помещичьей. Цари — Романовы, — укрепившиеся на престоле с 17 века, щедро раздавали землю своим приспешникам-дворянам. За землю дворяне должны были нести царскую военную службу, помогать самодержавному царю воевать, организовывать и поддерживать свою власть над трудящимися. Но на что годилась для дворянина одна пустая земля? Она ничего не стоила, если на ней не было рабочих рук, крестьян. Кто-то должен был засеять помещичью землю, собрать урожай, отдать барину-господину, принести по его требованию ему в доход плоды дарового крестьянского труда. Главное богатство на земле такого барина были крестьяне. Но тяжесть жизни у помещика, бремя повинностей гнали крестьянина с помещичьей земли в бега. Крестьяне убегали на южные и восточные окраины государства, где помещиков было меньше, жилось свободнее. Ясно, что побеги крестьян были разорительны для помещика: его земли оставались

необработанными, доход его уменьшался, а хозяйство расстраивалось.

Поэтому стоявшие у власти крепостники всячески стремились помешать крестьянам уходить с их земель, старались прикрепить крестьян к земле — отсюда рост крепостного права в 17 веке. Помещик добивается права отыскивать беглого крестьянина и насильно возвращать его на свои земли. Раньше крестьянин хоть пользовался правом, кончив полевые работы и расчеты с помещиком, переменить место жительства, если ему этого хотелось. Сроком для этого перехода было 26 ноября, так называемый «юрьев день». Полевые работы к этому дню уже были закончены, хлеб убран и свезен. В неделю до «юрьева дня» и в неделю после него крестьянин мог уходить от прежнего барина на другое место. Но с конца 16 века это крестьянское «право перехода» помещики стали всячески ограничивать. «Юрьев день» оказался только воспоминанием. И когда какая-нибудь старуха крестьянка говорила своим сыновьям и внукам, замученным работой на помещика, что скоро-де придет «юрьев день», когда можно будет уйти от злого барина, ей насмешливо отвечали: «вот тебе, бабушка, и юрьев день». Уйти от помещика уже было невозможно — так и сохранился «юрьев день» только в насмешливой пословице.

В 1648—1649 гг. помещики и купцы собрались в Москве на собрание («собор») для выработки новых законов и приведения в порядок старых. Они составили основной сборник законов Московского государства — «уложение». По этому уложению крестьянин окончательно «прикреплялся» к тому помещику, на чьей земле жил. После этого закона крестьянам стало еще хуже.

3. КАК ЖИЛОСЬ В КРЕПОСТНОЙ ДЕРЕВНЕ ПЕРЕД РАЗИНЩИНОЙ.

Вот перед нами крепостная деревня. Десятка полтора убогих ветхих изб, крытых соломой или тесом. Покосившиеся ворота, двор, забранный плетнем. Вот и картинка — это одна из многих крепостных деревень, нарисованная с натуры рисовальщиком 17 века: не видно окон, нет труб (см. рис. 1). Заглянем в избу. Там трудно разглядеть предметы: дым из очага обволакивает их густой пеленой и уходит вверх через отверстие в черном прокопченном потолке — дымохода нет. Такие избы называются «курными». Жалкая утварь — скамейка, пара горшков для скудной пищи, корзинка, где в лохмотьях пищит голодный ребенок. Среди этой нищеты живут неграмотный, замученный помещиком крепостной мужик и его семья.

Лето. На крестьянской полосе, грубо расковырянной деревянной сохой, уже налилась низкая, довольно жидкая рожь. Техника обработки стоит низко, урожаи скудны. Но эта рожь — единственная надежда семьи: больше хлеба взять неоткуда. Уже самая пора жать, важно поторопиться, не упустить солнечные дни. На завтра намечено всей семьей двинуться на свое поле. Но вот рано утром стук в дверь, слышен знакомый грубый голос:

— Эй, вставайте! Нынче на боярскую работу итти.

— Что ты, — воскресенье ведь сегодня. Итак всю неделю на боярина работали.

— Нечего вам противиться — у боярина на поле рожь налилась. Чтоб в два дня сняли. А кто не пойдет, — шкуру спущу.

Это барский приказчик. Он родом из этой же деревни, мужик. Но боярин приблизил его к себе, дал

власть расправляться с крестьянами. Приказчик — его правая рука.

И вот на барскую пашню сгоняются мужики. Свой мужицкий хлеб постоит. А барский стоять не может. Не выполнишь «урока», не успеешь сжать положенного,— приказчик «нещадно» изобьет палкой или плетью. А за работой на барина ушли солнечные дни.

1. Крепостная деревня в 17 веке. (Из Мейерберга.)

Барский-то хлеб успели сжать, а как сжали — полили дожди. Большая часть мужицкого хлеба пропала.

Все чаще и чаще с начала зимы наведывается боярский приказчик в деревню. Нужно собирать для боярина оброк.

— Что же деньги для боярина не несете, годовой оброк? Скорей несите — по 3 рубля со двора.

А тогдашний рубль равнялся приблизительно 40 теперешним рублям.

— Эй, Ивашка, скажи своей бабе, что с нее еще яйца и куры не все взяты — боярину с каждой бабы по 3 куры да по 100 яиц несите.

И барин и приказчик с крестьянами обращались грубо, презрительно звали их уменьшительными именами, чтоб показать свою власть.

— Агашка, а за тобой еще грибы да ягоды. Скорей донеси, приказ есть, чтоб по ведру белых грибов с каждого двора, а то знаешь...

— Федька, Косой, ты ж когда свинью колоть будешь? Боярину два окорока подай, да еще теленок с тебя причитается.

Жадная боярская лапа захватывала лучшие куски в жалком крестьянском хозяйстве; все ей нужно было — от хлеба, свинины, домотканного холста до земляники и белых грибов.

А то вдруг опять появится приказчик по дороге в деревню. Хворостиной гонит с боярского двора исхудавшего, запаршивевшего теленка.

— Эй, Гришка,— это тебе боярский теленок на выкормку. Смотри, чтоб к Покрову стал он у тебя на дворе сытый да круглый. Скажи своей бабе, чтоб хорошо за ним ходила, да корму своего побольше давай. А к Покрову боярин велел его в Москву угнать, там его заколют к боярскому столу. А не выкормишь,— попробуешь плетей.

Вот уж и зима. Первый снег мягко устлал поля и дороги. В Москву тянется крестьянский обоз, везет боярину отобранные у крестьян продукты — оброк. Подводы для помещика — тяжелая крестьянская повинность. На них и оброк вези барину, и барский хлеб и бревна для барских хором. На неделю, на две, на месяц отрывается крестьянин от семьи, должен и лошадь кормить и сам кормиться на свои средства.

Мороз, одеженка плохая, холод прохватывает до костей.

А в деревне тем временем вой, плач, стоны. Ивашка, да Федькина баба, да Федька Косой не донесли оброку. За одним остались деньги — два рубля, за бабой холст — не успела наткать, а за Косым — два барана да свинья. Нехватило сил оторвать от нищего хозяйства кусок для боярина, а другим и взять требуемое по нищете негде. И вот приказчик собрал недоимщиков и ставит их «на правеж», то есть бьет жестоко палкой при всем народе. Сегодня бьет и завтра будет бить и послезавтра — пока не достанут откуда хотят деньги, холст, свинью.

Через две недели насилу разысканный грамотей (грамоте почти никто в деревне не умеет, сам приказчик даже неграмотный) пишет боярину отчет при свете лучины в приказчичьей избе.

«Да, приказал ты, государь, с микулинских крестьян оброк взять. И я их на правеже дбе недели держал. Да говорят крестьяне, что обнищали и им, сиротам, оброку взять негде. У многих, государь, нечего ни пить, ни есть и разбрелись в мир кормиться».

Пузатый боярин, закутавшись в алый бархатный кафтан, подбитый собольим мехом, нахмурившись читает в Москве, в теплой горнице, приказчиково донесение. Перед ним на блюде ломоть жирной свинины и бутылка заморского вина. Через слюдяное оконце пробиваются солнечные лучи и освещают затейливое убранство — резные дубовые лавки, покрытые бархатными темнокрасными налавочниками; сундуки, покрытые дорогими коврами, серебряную посуду в пузатом поставце и «веницейский» [1] хрусталь. А если

---

[1] Сделанный в Венеции, венецианский.

приподнять ковры да заглянуть в сундуки, — там добра видимо-невидимо: тут и меховые шубы с жемчужными пуговицами, собольи шапки с украшениями из драгоценных камней, ковры персидские и турецкие, серебряные чаши, блюда. Всего не перечтешь.

Откуда все это у боярина?

Почему он сыт, живет в тепле и холе?

Потому что на него работают крестьяне. Весь труд крестьянский, все слезы, крик под палками на правеже, загубленный дождем хлеб, последняя отданная боярину телка — все для того, чтобы этот пузатый боярин мог сытно жить на крестьянские деньги, покупать себе меха, серебряную посуду, жемчужные пуговицы да являться по царскому зову на войну или на службу государству крепостников.

Только вернулись крестьяне из Москвы, отвезли оброк, — дня через два вновь стук под замерзлым оконцем и знакомый приказчичий голос:

— Эй, слышите, завтра, чтоб с лошадьми на боярский двор приехать. Все чтоб собрались. Бревна надо возить, кирпичи...

— Куда это, зачем?

— Да боярин, слышь, в Спасской вотчине своей церковь строить задумал Илье-пророку. Вот туда и возить.

И вновь скрипят ворота, выезжают из ворот крестьянские сани. С проклятиями, со слезами едут крестьяне на тяжелую даровую работу на боярина, задумавшего «угождать богу», сидя на крестьянской шее.

Но бывает и еще хуже.

Достанется боярину от царя за верную службу новое поместье, где-нибудь поюжнее, ближе к окраине государства.

Поместье — это пустошь без крестьян. Барин и задумает перевести туда крестьян из своей северной вотчины. Всей деревне приказано переселиться. Велено бросить все избы, привычные поля, родных в соседней деревне, привычные места, налаженное кое-как хозяйство. Такое переселение — чистое разорение для крестьян. Но крепостной строй дает на это право помещику-крепостнику.

4. КРЕСТЬЯНЕ И ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ.

Но крестьяне страдали не только от того помещика, которому принадлежали. На них с другой стороны давила царская власть, крепостническое государство.

Крестьяне платили «царскую дань», платили особые деньги для выкупа пленных, так называемые «полоняночные деньги», должны были бесплатно подвозить дрова к царским заводам, давали деньги на постройку новых городов, бесплатно перевозили царских слуг, платили «подможные деньги» на содержание разных чиновников и тюремных сторожей, должны были платить деньги на пропитание царского войска — стрельцов. Если в их местность приезжал новый начальник — воевода, они должны были выстроить ему на свой счет избу и двор, да еще платить за бумагу и чернила, которые он изведет, и за свечи, которые он сожжет. Когда начиналась война, крестьяне должны были выделить «даточных людей» — царских солдат — и платить им содержание во время войны. Задумывало ли правительство новую постройку, какой-нибудь дворец или церковь, — крестьяне должны были кого-то оторвать в деревне от земледельческих работ и послать в город на постройку, да сверх того и кормить его.

Если крестьянин отказывался какую-нибудь повинность выполнить или не выполнял ее в срок, то его приводили к воеводе и били палками. Никакого крестьянского дела воевода не делал без взятки. Воеводы обирали народ. Иногда им мало было взяток, и они прямо ездили по волостям, останавливались в деревнях и истязали крестьян до тех пор, пока не вымучивали у них деньги. Одним словом, многие воеводы скорее походили на разбойников, чем на местную власть. Жаловаться на них было некуда и некому. Они могли безобразничать, как им вздумается. Например был один такой воевода, который постоянно ходил с палкой в полтора аршина длины и бил, кого хотел, на улице, приговаривая: «я — воевода, на кого хочу, на того руку наложу, а кого в тюрьму посажу, так ему и света не видать и из тюрьмы не выходить». Суд находился в руках этих грабителей. За взятку любое преступление могло остаться без наказания. Даже пословица такая была в 17 веке про судебное дело: «Дело не велико, да воевода крут, свил мочальный кнут». А вот другая пословица: «Что мне законы — были б судьи знакомы».

Царь был такой же помещик-крепостник, как и другие помещики. Разница была только в том, что он был самый богатый. В его имениях крестьянину жилось не лучше, чем в помещичьих. Приказчики царских имений свирепствовали, как заправские помещики. Они требовали оброчные деньги, гнали на барщину, брали с крестьян взятки, а если те не давали, то били крестьян на правеже или сажали зимой в одной рубахе в холодное подполье. Царь получал со своих земель огромные доходы. Но не только с земель. Он занимался также торговлей. Царь Алексей Михайлович — второй из Романовых, — царствовавший в эпоху

разинщины, был и «первым купцом своего государства». Выжатые из крестьян деньги пускались в торговые обороты. Хлеб, ценные меха, икра, шелк, соль, железо — все было ходким товаром в руках оборотистого купца-царя. Меха отбирались вместо налога у якутов, бурят и других нерусских народов, которых царское правительство особенно притесняло и эксплоатировало. Эти меха были ценным товаром, который охотно покупала заграница.

Чтобы получать больше барышей, царь стремился не иметь соперников по торговле, а торговать один, захватить какой-нибудь ценный товар только в свои руки. Иначе говоря, он стремился быть купцом «монополистом». К его услугам были его торговые приказчики, агенты, — исполнители его поручений. Эти царские приказчики, купцы, назывались «гостями», и трудовой народ их особенно ненавидел. Иностранцы так и писали про «Московию», — что если начнется восстание, то народ этим гостям в первую очередь свернет шею.

5. НАРАСТАЮТ НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ.

К середине 17 века начинает сильнее нарастать революционное движение. Учащаются не только крестьянские волнения, волнуется и городская «чернь», «мелкие людишки», все, кого особенно сильно давил самодержавный гнет.

В 1648 г. вспыхнул бунт в Москве. Поводом его было возмущение городских «низов» против злоупотреблений царского свояка [1] боярина Морозова и его «подручников» — судьи Плещеева, начальника пуш-

[1] Он был женат на сестре царевой жены.

карского приказа Траханиотова и других. Пользуясь близостью к царю Алексею Михайловичу, Морозов и его помощники совершали безнаказанно многие преступления. Они брали огромные взятки, подделывали судебные дела, крали солдатское жалованье. Возмущала «простой народ» и тяжелая пошлина на соль — предмет первой необходимости. Пошлина была наложена еще в 1646 г., и народная молва приписывала ее стараниям компании Морозова. Восстание бушевало в Москве несколько дней. Дом ненавистного Морозова был разгромлен, некоторые народные притеснители изловлены и убиты. Лишь выдача Плещеева и Траханиотова восставшим и казнь этих «кровопийц» несколько утихомирили восстание. Но оно, как эхо, отдалось во многих городах, где тоже трудовой народ терпел от царских слуг, взяточников.

В 1650 г. в Пскове и Новгороде вспыхнули «хлебные бунты». Они были вызваны усиленной скупкой хлеба царем для военных уплат Швеции. В 1662 г. в Москве разразились новые волнения, — так называемый «медный бунт». Московскому правительству нехватало денег, казна пустовала. Для чеканки новых денег было мало серебра. И вот царское правительство решилось на такой шаг. Оно начеканило огромное количество медных денег и стало требовать, чтобы эти деньги считались в одной цене с серебряными. Конечно, расчеты его оказались неверными, медные деньги скоро упали в цене до того, что за одну серебряную копейку приходилось платить 15—16 медных копеек. Налоги же правительство принимало только серебром. Все это вызвало страшную дороговизну на продукты, от которой больше всего страдали трудовые люди. «Учинилась в Московском государстве и во всех го-

родах,— читаем мы в одном документе того времени,— великая безмерная дороговль (т. е. дороговизна) на хлебную и соляную и всякую харч... И то учинилось не от хлебного недорода, но от медных денег». Восстание вспыхнуло летом. В нем принимали участие торговые люди, крестьяне, холопы, солдаты, ремесленники и «гулящие люди». Восставшие пошли к царю Алексею за город, в село Коломенское, где в то время жил царь. Они несли список своих притеснителей и требовали их казни. В списке стоял первый грабитель, царский шурин[1] Милославский, и царский агент — «гость» Василий Шорин. Толпа окружила царя. Его «держали за пуговицы» и с «невежеством» разговаривали. Царь обещал выполнить требование восставших.

Но можно ли было ему верить? Ведь он был первый помещик и первый купец своего государства, он был представителем того класса, который эксплоатировал народную массу. Когда восстание разрослось и стало грозным для самого царя, он велел стрелять в восставших, «бить, рубить и живых ловить». Больше ста человек восставших утонуло в Москве-реке, около семи тысяч человек было убито или захвачено в плен царскими войсками. Расправа была жестокой. Но напуганное правительство боялось повторения мятежа, если останутся медные деньги, и поэтому поспешило их отменить.

Во всех этих восстаниях крестьяне еще не играли главной роли,— главной движущей силой была городская «чернь», посадские люди, мелкие торговцы. Главное крестьянское восстание — разинщина — еще было впереди.

---

[1] Брат царевой жены.

Мы уже сказали, как от тягостей крепостного права, от эксплоатации помещиков и помещичьего правительства — царской власти, — крестьянин 17 века спасался бегством. Он покидал деревню и помещика-эксплоататора и бежал на «окраины» Московского государства. Там был не так заметен царский гнет, не было царских чиновников, была «вольная» казацкая жизнь. Иногда разбегались целые деревни. Посмотрите рисунок. Вот перед нами покинутая деревня — (рис. 2). Покосившиеся пустые избы покинуты жителями,— остался по болезни и немощи один старик — бобыль. В деревню приехали толстые, упитанные царские слуги собирать подати,— а никого нет. Они злобно расспрашивают старика, куда же все подевались. Другие беглецы-крестьяне уходили в леса, прятались в глухих чащах и оврагах, разбойничали. Правительство часто устраивало настоящие охоты за этими разбойниками или «ворами», как оно называло всех тех, кто шел против него. За последнее десятилетие перед восстанием Разина оно вело с разбойниками настоящую войну. Но трудовой народ не смотрел на «воров» как на простых грабителей, он чувствовал, что эти люди лишь беглецы от крепостного гнета. Про этих беглецов сложилась песня, где пелось: «мы не воры, не разбойники, — мы удалы добры молодцы».

Это «разбойничество» было одной из форм протеста против крепостного строя и борьбы с ним.

На Волге, на Дону, на Днепре, на реке Яике (Урал) сложились казацкие общества. Туда-то и стремились беглые холопы и крестьяне, спасавшиеся от крепостников.

Среди донского казачества и началось восстание Степана Разина.

2. Опустевшая деревня в 17 веке. (С картины художника К. В. Лебедева.)

6. КАЗАЦКАЯ ГОЛЫТЬБА НА ДОНУ.

Беглецы от крепостной неволи приходили на Дон. В середине 17 века они шли туда сплошным потоком: Шли и в одиночку и с семьями,— со скарбом, с женами и детьми. На Дону они находили прочную, давно сложившуюся казацкую организацию. Начальники казачества выбирались общим казацким сходом. Выборные старшины творили суд и расправу, распределяли обязанности. Царское правительство было далеко, его представители не стояли над душой, казак считал себя «вольным», служил, кому хотел. На Дону царское правительство не могло застигнуть и вернуть беглеца,— издавна повелся такой обычай, что с Дону беглецов не выдавали. Но такой свободной и равноправной казачья жизнь была лишь с виду. На самом деле в среду казаков глубоко проникло классовое расслоение.

Была группа богатых «домовитых» казаков. Она давно пришла на Дон, обзавелась своим хозяйством, имела много денег и добра. Она была в сношениях с Московским правительством, получала от него хлеб, вино, одежду и все распределяла между собою. В хлебе на Дону была особая нужда: казаки в то время хлебопашеством не занимались и питались покупным хлебом. Эта группа казаков-богатеев и верховодила на Дону всеми делами.

Другой группой донского казачества были бедняки. Они ничего не имели, были казацкой «голью» или «голытьбой». «Домовитые» казаки эксплоатировали «голытьбу», брали ее в наемные работники. Это тем легче было для «домовитых», что у них в руках были орудия производства. Возьмем для примера рыболовство, которое играло на Дону большую хозяйственную роль. Рыболовные снасти, невода, сети — дорогие орудия.

Их не было у казацкой голытьбы. А у домовитых казаков все это было. Они нанимали бедняков на работу на рыбных промыслах и получали барыш от их труда.

К какой группе казаков могли примкнуть пришедшие на Дон беглецы? У них ничего не было с собой, кроме пары здоровых рабочих рук. Их жалкое имущество, с трудом привезенное с собой, состояло в большинстве случаев из каких-нибудь лохмотьев. Они пополняли собой казачью голытьбу. Работу найти вновь прибывшим было трудно. К тому же в шестидесятых годах 17 века на Дону разразился голод — уж очень много туда собралось беглецов. Чтобы прокормиться, для голытьбы оставалось итти «за добычей», или, как называло это правительство, — итти в «воровской поход». Группы «удалых добрых молодцев» объединялись и отправлялись на море или на Волгу поджидать в засаде караваны судов с купеческими товарами, напасть, захватить богатства, поделить между собою и вновь подстерегать новую партию добычи. Такие налеты назывались еще походом «за зипунами»: голи, «голытьбе», надо было одеться, раздобыть себе зипун. Домовитые казаки и тут находили случаи для эксплоатации голытьбы. Они перед таким походом давали голытьбе деньги на необходимый порох, ружья, съестные припасы. А когда голь возвращалась с богатой добычей — золотом, серебром, турецкими саблями, червленым бархатом,— домовитые казаки по уговору брали себе за прежнюю денежную помощь обыкновенно не меньше половины добычи.

Вот эта-то голытьба, бывшая в основной массе беглым крестьянством, боярскими холопами, и подняла в 60-х годах 17 века восстание, за которым пошли массы крестьянства, — начала разинщину.

7. ВОЖДИ РАЗИНЩИНЫ.

Вождем восстания голытьбы был казак Степан Тимофеевич Разин. Его не надо называть «Стенька Разин». Так прозвало его царское правительство, желавшее даже унизительным названием «Стенька» досадить своему врагу. Он сам не был «голым» казаком-бедняком, — он скорее принадлежал к кругу зажиточного казачества. Почему же этот зажиточный человек и исправный казак стал вождем голытьбы? В этом нет ничего удивительного: далеко не всегда вождь класса, организующий его боевые действия против враждебных классов, сам принадлежит к тому классу, который он организует. Разин порвал с зажиточным казачеством, вошел в круг интересов голытьбы, стал выразителем ее стремлений.

Разин был опытным и бывалым казаком. В качестве богомольца он пешком из края в край исходил Московскую крепостную Русь. С Дона он доходил до Белого моря, до Соловков. Он хорошо узнал положение крепостного крестьянства, видел его страдания под крепостным ярмом, слышал стоны и проклятия по адресу помещиков и царских властей. Может быть некоторую роль тут сыграло и то, что и семью Разина задел произвол этих властей: московский боярин казнил брата Степана за самовольную отлучку со службы.

Мало-помалу Разин совсем вошел в круг интересов голытьбы и стал думать с ней «крепкую думушку», как поется в песне. Несчастия и угнетение голытьбы гнали ее «во царев кабак», где она не только «топила горе» в «зеленом вине», но и крепко обдумывала планы своей организации и будущего восстания. У Разина была светлая голова. Он правильно и метко схватывал и на этих собраниях в «царевом кабаке» намерения

и интересы голытьбы. Он слышал от этих беглых крестьян и боярских холопов те же проклятия на помещиков и властей, что и от крестьян Московской Руси,

3. Портрет Степана Тимофеевича Разина. (Из Стрюйса.)

в избах которых он останавливался, идя на богомолье. У Разина была стальная воля. Он был талантливым организатором. Один иностранец видел Разина и записал, какой он был. Этот иностранец был врагом

Разина, страшно его боялся и дрожал всеми поджилками, увидев его, но, даже несмотря на это, ему в глаза бросилась особенная внешность Разина: «Вид у него величественный, осанка благородная, а выражение лица гордое. Росту он высокого, лицо рябоватое. Он обладал способностью внушать страх и вместе с тем любовь. Что бы он ни приказал, все исполнялось беспрекословно».

Разин организовал голытьбу сначала на знакомое ей и привычное дело: итти «за зипунами», проплыть по Волге и «пошарпать» ее берега, т. е. пограбить богатые караваны. Этот замысел был началом казацкого движения.

Обо всем этом поется в песне так:

У нас то было, братцы, на тихом Дону,
Породился удал добрый молодец,
По имени Степан Разин Тимофеевич.
Во казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с казаками думушку не думывал.
Ходил-гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепку думушку с голытьбою.
— Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине-море гулять!
Разобьем мы, братцы, бусурмански корабли,
Возьмем мы казны, сколько надобно!

Но, конечно, было бы неправильно думать, что Разин своей талантливостью и сильной волей создал движение, которое не возникло бы, если бы его не было. Это было бы вкорне неверно, да так и вообще никогда не бывает. Движение назрело внутри народных масс. Оно долго подготовлялось в гуще крепостного крестьянства, оно вызревало в силу условий хозяйственной жизни, в замыслах голытьбы зрел классовый протест крепостного, задавленного крестьянства. И, когда движение

созрело, оно нашло себе руководителя. Не будь Разина, был бы кто-нибудь другой.

И не один Разин был организатором и руководителем восстания. Массовое движение выдвинуло и многих других. Выдающуюся роль в восстании играли и другие вожди, например: атаман Василий Ус, казак Федор Шелудяк, Иван Черноярец. Все они в большинстве случаев вышли из гущи крестьянства или бедных казаков, были известны лишь по прозвищам, как рядовые беглые холопы, которые придумывали себе новые клички, боясь господского сыска и возврата к старому помещику. Вот еще, например, имена вождей разинщины: Сергей Кривой, Алексей Каторжный, а то и просто Илюшка — и все.

Не только мужчины были в числе вождей движения. Были и женщины. Знаем мы, например, об одной такой — «старице» Алене, выдающемся организаторе, человеке непреклонной воли. Под ее руководством восстало семь тысяч крестьян. Дальше мы еще услышим о ней.

8. «ЗА ЗИПУНАМИ».

Поход «за зипунами» начался в 1667 г. Это был первый период разинщины. Она еще не определила своих целей так ясно, как позже, во второй период. Движение еще не разрослось и сосредоточивалось, главным образом, в казачестве, в голытьбе, в то время как в более поздний период, о котором речь пойдет ниже, в разинщину втянутся массы крестьянства.

Это было лишь начало.

Голытьба под предводительством Разина с Дона отправилась на Волгу. На Волге казаки быстро напали на добычу.

Еще в то время Волга была важным торговым путем. Вереницы судов, груженных разным товаром, подымались и опускались по ней. Такой-то караван груженых торговых судов, «насадов», попался навстречу разинцам.

Это были не какие-нибудь простые суда с товаром рядовых купцов. Это были суда «первого купца» в государстве — царя Алексея Михайловича, груженные хлебом. Мы помним, что в числе прочих доходных товаров, которыми торговал этот «первый купец», был и хлеб. А кроме царских судов шли загруженные товаром суда патриарха — главы русской церкви — и суда ненавистного «гостя» Шорина, царского торгового агента. О Шорине раньше у нас уже говорилось. Еще во время медного бунта ненавидевшая его московская «чернь» требовала у царя выдачи Шорина и разграбила его дом. И тут суда этого царского агента везли не свой хлеб, а царский. На последнем «насаде» не было товара, на нем везли ссыльных, осужденных царской властью на ссылку в Астрахань.

Разинцы напали на суда. Товары были захвачены. Что нужно, разинцы оставили себе, остальное потопили. Приказчиков, служилых людей на насадах, одним словом «белую кость», начальство, хозяев разинцы потопили или перевешали на мачтах.

Иначе поступили разинцы с рабочими. Их было много на судах, — при перевозке товаров было много черной работы. Этих судовых рабочих — «ярыжек» — разинцы не тронули. Не тронули они и рядовых стрельцов из провожавшего суда отряда. Ссыльных Разин освободил и выпустил.

— Кто хочет из вас,— сказал Разин, — идите за мною. Вы будете вольными казаками. Я бью лишь бояр да знатных господ, а с бедным простым человеком, как брат, все готов поделить.

Большинство рабочих и стрельцов перешло в отряды Разина и пошло за ним. Пригодились и порох и оружие, которые были на судах. Мы видим, что Разин руководился ясным классовым признаком. Его классовые враги — дворяне — хотели его представить разбойником, который без разбору рубил всех направо и налево, лишь бы побольше награбить. Это неверно, на самом деле так не было. Разин губил господ, хозяев, помещиков, эксплоататоров «простого народа». А «чернь», трудящихся, «простых людей», которых эксплоатировали баре, хозяева, Разин не трогал. Наоборот, он стремился втянуть их в свое движение.

Давайте дальше проследим по карте путь первого похода Разина.

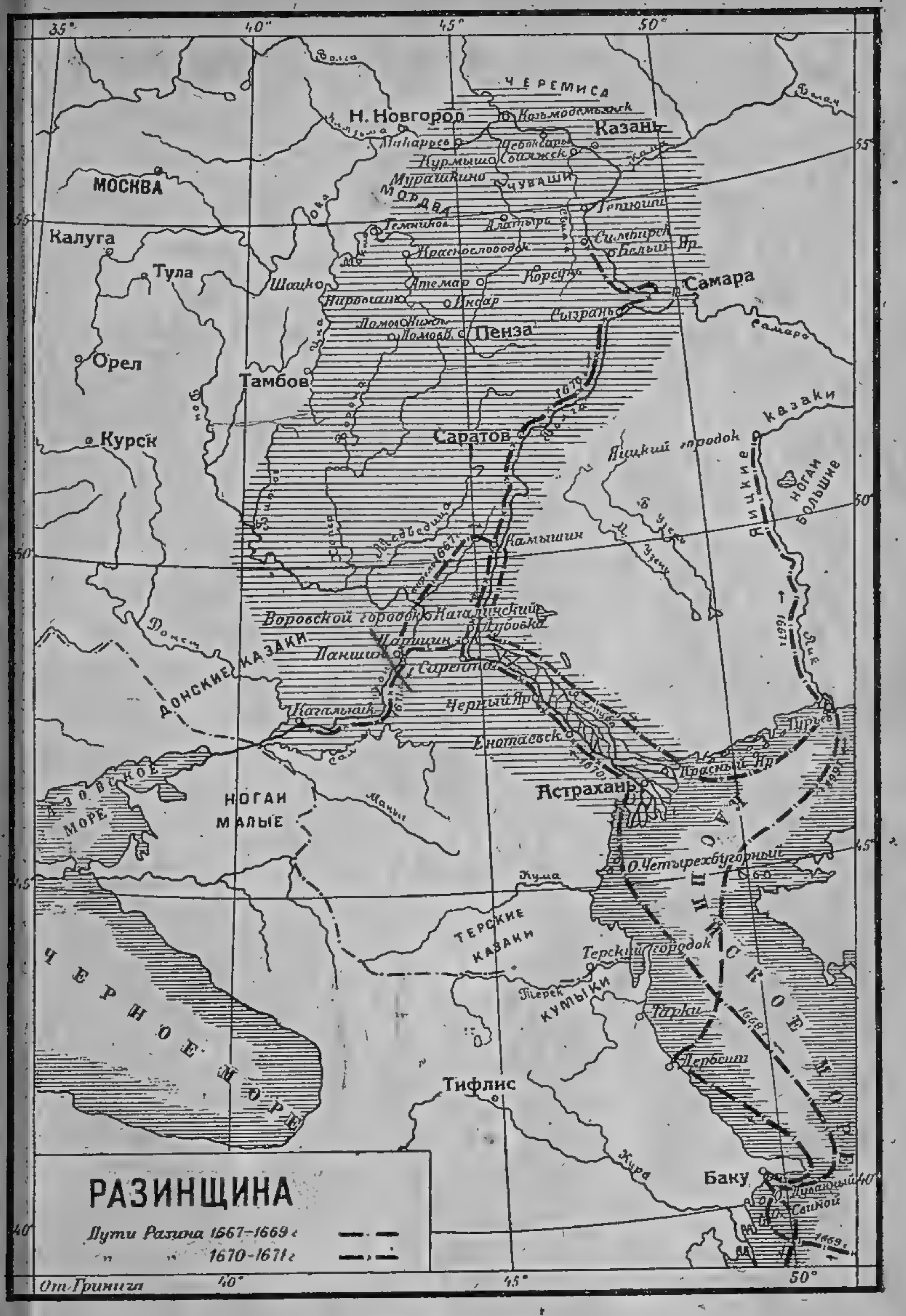
Дальше отряды Разина двинулись вниз по Волге, к Каспийскому морю. По северному берегу Каспийского моря разинцы, выйдя из устья Волги, пробрались к тому месту, где в Каспийское море впадает река, которая теперь называется Уралом. Тогда она называлась рекою Яик, это название и написано на карте. Разинцы поднялись вверх по Яику. Здесь они оказались в области, где жили другие казаки — яицкие. Здесь разинцев застала зима. Реки стали. На казацких судах-стругах и лодках ездить было нельзя. Разинцы перезимовали на Яике, а с весенним половодьем пустились вновь в поход к морским берегам. Разинцам хотелось «пошарпать» персидские берега, — их привлекали караваны персидских судов, которые вереницами плыли по Каспийскому морю, груженные шелком и другими дорогими восточными товарами. Навоевав себе много ценного добра, разинцы вернулись опять к устью Волги. Вернулись они уже не «голые», а одетые в шелк и бархат, вооруженные

дорогим оружием, окруженные персидскими пленниками и пленницами.

Слава о персидском походе Разина широко распространилась. Не было ни одного холопа и крестьянина, ни одного обиженного господами «простого человека», который не слыхал бы о нем. Рассказы о его походах были похожи на сказки. Эти сказки падали на подготовленную почву: озлобление к господам и царским чиновникам было сильно. У каждого трудящегося, страдавшего от господ, шевелилась мысль: «А хорошо бы примкнуть к Разину! Хорошо бы войти в его отряды, зажить вольной жизнью. Вот если бы Разин сюда пришел!» Так мечтала «чернь», «простой народ».

Конечно, не только среди трудящихся распространилась весть о Разине. О нем с ужасом рассказывали друг другу бояре, царские слуги, хозяева и дворяне-крепостники. От них не укрылось и то, какие слухи ходили о Разине среди трудового люда. Настроение было тревожное. До самого первого купца и первого дворянина в государстве — царя — тоже дошли вести о Разине. Испугался и он. Он еще помнил свои «насады», захваченные Разиным, знал и от персидских послов подробности о походах разинцев. Опасность народных волнений была так велика, а сила Разина казалась такой грозной, что царская власть попробовала пойти с Разиным на мировую. Посмотрим, что из этого вышло.

Струги Разина, нагруженные богатым добром, подъехали к городу Астрахани. Астрахань была оживленным, интересным городом. Он стоял на бойком торговом пути. Все персидские и другие иноземные суда, шедшие с Каспийского моря, останавливались в ней. Груженные хлебом и другими московскими товарами суда русских купцов стекались сюда сверху по Волге —

4. Карта разинщины.

из Нижнего, Казани, Саратова, Царицына. В городе вечно суетилась оживленная толпа. Рабочие-грузчики грузили и выгружали товар, иностранные купцы с переводчиками-толмачами в диковинных заморских одеждах сговаривались с русскими купцами о торговых делах. Крупные рыбопромышленники, наживавшие большие деньги на скупке рыбы у бедняков-рыболовов, важно шествовали в оживленной толпе, ведя разговоры про свои драгоценные товары — икру, осетров. Заграничные купцы бочками скупали черную икру: она имела хороший сбыт в Европе. Оживление торговли соединялось с необходимостью военной охраны и многочисленной армии царских чиновников: по улицам проходили стрелецкие отряды, сновали служилые люди, дьяки, приказные. Астрахань ведь была городом пограничным — царская власть стремилась усилить этот город и военной охраной и своими служащими. За кирпичной стеною с башнями по углам виднелись и церкви. Религия была верной помощницей самодержавия. Она помогала царю управлять трудовым народом. Астрахань имела и главного попа — митрополита, первого союзника царя.

Не успели разинцы показаться в городе, как стало только и разговору, что о них. Народ толпами сбегался на них смотреть, восхищался их богатой одеждой, оружием, силой. Разинцы относились к нему приветливо, щедро раздавали подарки и деньги, охотно рассказывали о своих похождениях. Эти рассказы соединялись с агитацией. Десятки разинцев на улицах, на пристанях, в кабаках и глухих переулках выслушивали рассказы о гнете хозяев и господ и звали присоединяться к их атаману.

Правительство задрожало. Опасность волнений трудового народа была очевидна. Еще раньше царское

правительство, решившее пойти с Разиным на мировую, прислало астраханским воеводам «милостивую грамоту» для разинцев. В ней царь отпускал разинцам все их «вины и промыслы», обещал их не преследовать, но зато требовал отдать захваченных персидских пленников и оружие, — особенно пушки. А пушки были захвачены разинцами с «насадов» и других кораблей, которые встречались им на Волге и на Каспийском море, а также от яицких казаков. Царь ставил еще условием и отпуск русских пленников — купцов и служилых людей, взятых в плен в походах, и отдачу захваченных товаров.

Разинцы чувствовали свою силу и не попались на царскую удочку. Степан Разин и его товарищи только для вида согласились на царские условия. Они хотели спокойно вернуться на Дон и готовиться к новому походу. Поэтому пока они берегли свои силы и на открытый бой с царскими властями не шли. Для вида они отдали несколько самых тяжелых и неуклюжих пушек, — все равно им приходилось с Волги на Дон итти сухопутным путем и пушки и струги тянуть волоком. Для вида отдали и несколько персидских пленников. Воеводам разинцы подарили ценные ткани и отговорились от сдачи остальной добычи: «Как мол сдать, — да мы сами не знаем, что сдавать. Все уже поделено между казаками, а из дорогих материй уже платье пошито...». Переписи казакам разинцы, конечно, делать не захотели, отговариваясь, что у них так не водится. Ясно, что в другое время и при другой обстановке воеводы не послушались бы разинцев. Но тут они почувствовали себя бессильными и хотели как можно скорее сбыть с рук опасных гостей. Уж очень хорошо отнеслась к ним астраханская «чернь». Опасность восстания городских «низов» становилась

все грознее. Крестьяне, холопы, все притесняемые господами уже бросались на улицах перед Разиным на колени, называли своим будущим избавителем от насилий хозяев и воевод, жаловались на них и ждали от Разина помощи.

Воеводы поэтому согласились на требования Разина и как можно скорей пропустили его с казацкими ватагами и захваченной добычей обратно на Дон.

9. ГОТОВИТСЯ НОВЫЙ ПОХОД.

Не успели разинцы закончить свой поход «за зипунами», как стали обдумывать новый поход.

Первым делом для начала этого нового похода был набор новых участников. Разин развернул широкую агитацию. Мы помним, что он начал ее еще в Астрахани. Он продолжал ее на пути от Астрахани к Царицыну (теперешнему Сталинграду). Трудовые люди в Царицыне пожаловались ему на притеснение воеводы, который обирал их. Разин пригрозил воеводе расправой, приказал прекратить «невежества» и намекнул ему, что не боится не только его, но и того, кто повыше. Это был ясный намек на царя.

Приехав на Дон, Разин не поселился на прежнем месте, где жил до первого похода. Он пожелал остаться в центре объединенной им голытьбы. Разинцы выстроили около города Кагальника на одном из речных островов особый «земляной городок». Он стал центром разинской агитации и подготовки к новому походу.

В этом городке и начались какие-то таинственные приготовления. Таинственными они были для царского правительства. К Кагальнику подсылались шпионы. Собирались слухи, велись расспросы. И скоро в Москву

прикатилась волна испуганных доносов о замыслах Разина.

О чем же проведали царские шпионы и доносчики?

Войско Степана Разина все растет. К нему все больше приходит новых крестьян-беглецов. Из «Земляного города» Разин поехал в центр донского казачества, — в Черкасск. Там он что-то объясняет казакам, куда-то зовет, собирает. Что объясняет? Куда зовет? Доносчики толком не могли узнать. «Приказывает Стенька своим казакам беспрестанно, чтобы они были готовы. А какая у него мысль, про то и казаки не много сведают и ни которыми мерами у них, воровских казаков, мысли доведаться не можно». Казаки крепко хранили свою тайну.

Еще приносили слухи доносчики: Разин бранит московскую церковь и попов. «Гоните с Дона попов — царских богомольцев», — говорил Разин. На Дону погорели церкви — Разин не советует их восстановлять, говорит, что они не нужны. Царь старался подробнее узнать о замыслах разинцев — послал на Дон посла, для виду с царской грамотой, а по сути дела шпиона. Разинцы догадались и убили посла. Гражданская война начиналась.

Начались настоящие военные действия. Прежде всего надо было бороться с царскими шпионами. Разинцы захватили степной путь из Москвы и «залегли» там. По дорогам они «учинили заставы крепкие». Шпионы со страхом сообщали в Москву, что заставы эти для того устроены, чтобы «великого государя посланников, кто куды послан, перенять и вести — взять к нему, вору Стеньке».

Собирались к Разину и другие вожди движения. Крестьянская Русь, как мы знаем, волновалась давно.

Почва для революции уже подготовилась. Восставш
холопы собирались около своих местных вождей,
потом всем скопом переходили к Разину. Сила Рази
росла. Вскоре новые страшные вести принесли шпио
царю: из-под Тамбова пришел к Разину другой атам
со своими людьми — по прозвищу Микишка-Чер
нок. А еще через несколько времени пришел с сотня
восставших крестьян новый атаман — Васька У
Его отряды уже имели опыт борьбы: они давно у
действовали по селам, поднимая крепостных прот
помещиков.

Силы восставших собрались, окрепли, пригото
лись. И вот в мае 1670 г. разинщина поднялась нов
мощной волной. Уже не «за зипунами» шли разинц
Их движение было осмысленнее, серьезнее, грозн
Класс шел против класса. Начиналась настоящая к
стьянская революция.

10. ВОССТАНИЕ РАСТЕТ.

Разинские отряды вновь с Дона перебрались
Волгу. Первой их целью было взятие города Цар
цына.

Силой Разина были не только его казачьи отряд
Сила его была еще в том, что, где бы его отряды ни п
ходили, поднималось всюду крестьянское восстан
Крепостное крестьянство Поволжья чувствовало в Р
зине своего избавителя. Почва восстания была дав
готова. Агитация Разина к тому же делала свое де
Все знали о нем еще с первого похода, всюду его п
ход был сигналом восстания.

Царицын был крепким укрепленным городом. Ц
ские войска приготовились защищать его, засели
крепкой оградой и заперли городские ворота. Но

Разина были союзники внутри города — городская беднота. Она ночью сбила городской замок и впустила в город отряды Разина.

Разин уже в этот момент считал, что конечной целью восстания является захват столицы — Москвы. Но, раньше чем направить движение к этой конечной цели, надо укрепить тыл — захватить Астрахань.

Разинцы, войдя в Царицын, начали бой с царскими слугами, воеводами, захватили башню, в которой они сидели, и прикончили их. Власть царских слуг была уничтожена. Вместо нее было введено казацкое устройство. Всякий житель объявлялся равным другому, никаких особых преимуществ, как при царском строе, никто не имел: ни дворянин-крепостник, ни воевода. Власти становились выборными. Все жители сходились на общее собрание, «на круг», выбирался главный управитель — атаман — и его помощники — десятские, сотские.

В отрядах Разина было свое устройство, у него была своя канцелярия и писцы. Он не ограничивался устной агитацией, а рассылал письменные прокламации и посылал их с особыми посланными. Агитаторы Разина развозили его письма-прокламации во все стороны. Царские слуги, борясь с разинщиной, набирали буквально пудовые мешки этих писем, которые должны были «прельстить» народ и поэтому назывались «прелестными письмами». Ведь для того, чтобы написать столько прокламаций и разослать столько агитаторов, нужно продуманное и сложное внутреннее устройство восстания! И оно было у разинцев.

Свою опору разинцы видели не только в русских крестьянах и городской бедноте. На огромных пространствах Поволжья жило много нерусских племен — чуваш, татар, мари, мордвы. Эти нерусские народно-

сти были порабощены царским правительством. Он выколачивало из них особенно тяжелую подать, захва тывало для себя исконные земли этих народов, за ставляло их насильно принимать христианскую веру Многие из этих народов пристали к разинцам, влилис в их ряды.

По дороге к Астрахани разинцы взяли город Камы шин. Беглые крестьяне помогли в этом деле. Они по дошли к городу большой толпой и выдали себя город скому воеводе за царских слуг, посланных ему н помощь в борьбе с Разиным. Воевода обрадовался впустил их, а ночью крестьяне открыли городски ворота и впустили отряды Разина. У Черного Яр Разин встретил посланный против него отряд стрельцо Разин сумел еще раньше послать к ним своих агита торов. Они объяснили рядовым стрельцам, что разинц идут за простой народ, против лиходеев-помещиков царских слуг — приказных. Агитация встретила подго товленную почву. Как только приблизились отряд Разина, на судах вспыхнул мятеж, стрельцы перебил или связали своих начальников, а Разина встретил криком: «Здравствуй, наш батюшка, смиритель всех на ших лиходеев!»

До Астрахани между тем уже дошли слухи, чт к ней приближается Разин. Простонародье его напря женно поджидало и радовалось. Рядовые стрельц начали волноваться, припоминать начальству все обид и непорядки. Припомнили, что воевода не выда вал давно жалованья, стали требовать денег. Вое вода достал денег и роздал стрельцам, но был ясно, что дело его и всех царских слуг плохо. Дво рянство, служилые люди стали лихорадочно готовитьс к осаде: и днем и ночью укреплялись стены города сваливались кучи камней внутри ограды для метан

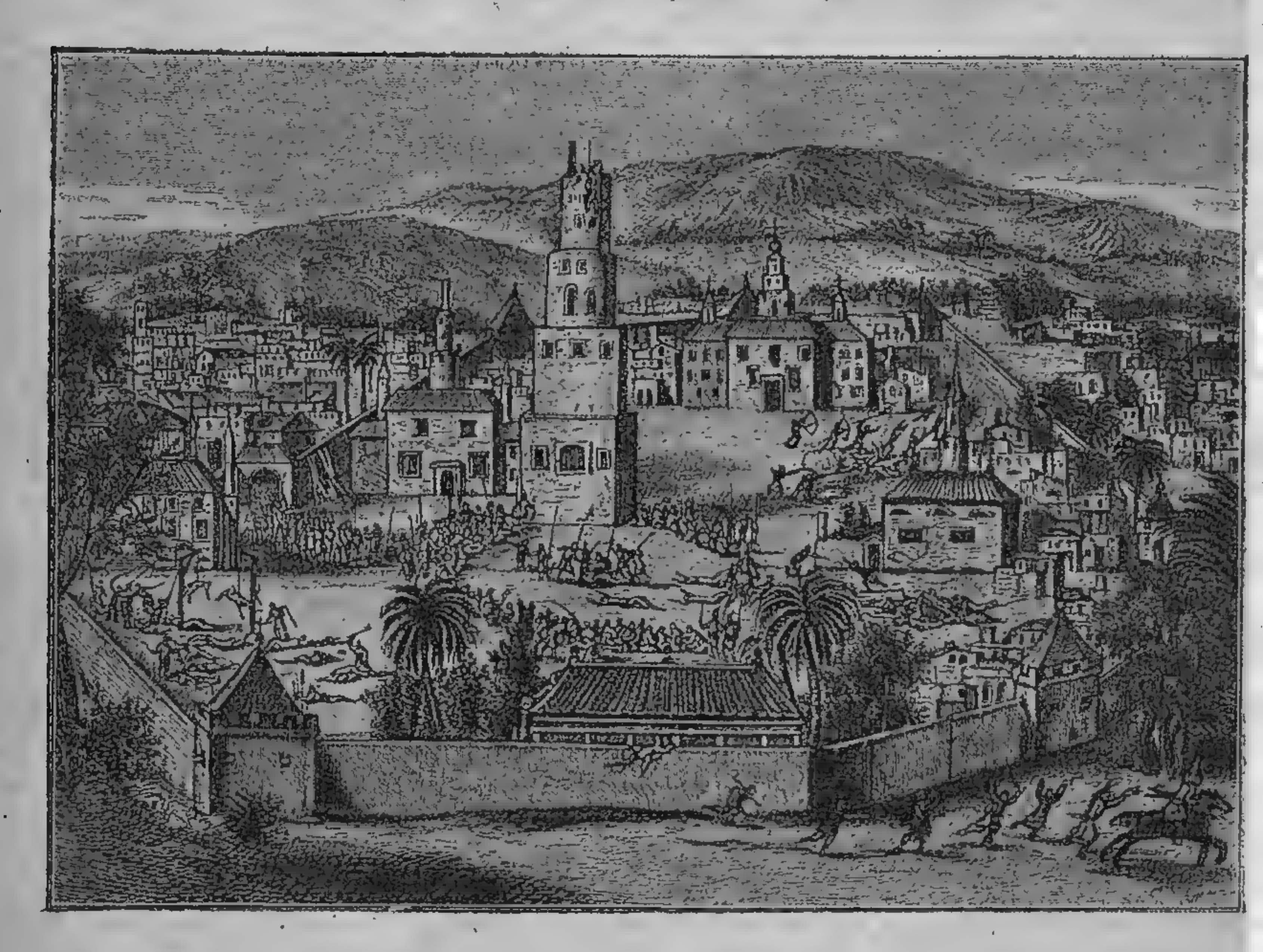
в разинцев, свозились ядра, среди зубцов городских стен расставлялись пушки. Припасалась смола и кипяток, чтобы обливать с городских стен разинцев. Городские ворота наглухо заваливались кирпичом, чтобы врагу не было ни прохода, ни проезда. И никто не заметил, как из одних ворот, завалка которых еще не кончилась, тихонько вышли двое нищих и скрылись в темноте по направлению к лагерю Разина.

Это были его сторонники, посланные делегатами от городской «черни». Они шли сообщить Разину, что все готово к его прибытию, и городская беднота ночью впустит его в город и подожжет ту его часть, где находятся царские сторонники.

Астраханские стрельцы стояли на своих постах и, казалось, ждали лишь знака, чтобы отразить нападение Разина. Воевода удовлетворенно поглядывал на них, думая, что имеет надежное войско, хотя в сердце его еще шевелилась тревога по случаю истории с жалованьем. Среди стрельцов ходил и отдавал приказания стрелецкий голова Иван Красуля. Никто из воевод еще не догадывался, что это — тайный сторонник Разина.

Наступила ночь. Но в июне ночи светлые. Царские воеводы издали заметили приближение разинцев. С виду казалось, что они хотят итти на приступ к вознесенским воротам. Главные силы против Разина поэтому сейчас же сосредоточились тут. Но это был лишь тактический маневр Разина. Он сосредоточил главные силы отряда с другой стороны города, где были астраханские виноградники и сады. Там ждала уже Разина верная городская беднота. Там его не встречали ни камнями, ни варом, ни кипятком. Нет, — из-за зубцов башен протягивались дружеские руки, подава-

лись лестницы. Разинцы один за другим оказывались в осажденном городе и тихонько подобрались в его «белую» часть, где ничего не подозревавшие воеводы защищали ненужные разинцам вознесенские ворота. Вдруг... Воеводы не поверили своим ушам, содрогнулись, но было уже поздно... Прозвучал условный

5. Взятие Астрахани Степаном Разиным. (Из путешествия Стрюйса 1676 г.)

сигнал «ясак на сдачу»: пять пушечных выстрелов, один равномерно вслед за другим... На военном языке того времени это был сигнал, что город взят неприятелем и сдается.

Сейчас же вслед за этим сигналом городская беднота бросилась бить бояр, воевод и дворян. Расправа с ними была коротка — одних убивали, других бросали с го-

родской стены. У богачей было отобрано их имущество и поделено поровну между казаками и беднотой, — «подуванено», как говорили казаки. Все царские слуги были прогнаны. Город получил то же казацкое устройство, что и Царицын: было объявлено полное равенство всех жителей, установлены выбранные власти. Вообще во всех городах, которые захватывал Разин, отменялось старое царское управление и объявлялось казацкое устройство. Разин сжег все царские архивы, все кабальные записи, крепостившие крестьян, и другие бумаги и говорил, что скоро он сожжет их и «наверху у государя». Так и Астрахань стала своего рода «вольной казацкой республикой».

Но задерживаться Разину в Астрахани было нельзя. Введя новое городское устройство и поставив во главе города атамана Василия Уса, Разин двинулся со своими отрядами вверх по Волге. Вдали была у него цель — Москва.

Пока он двигался от города к городу, все огромное Поволжье охватывалось пожаром крестьянского восстания. Пожар докатывался в самые глухие места. Всюду работали разинские агитаторы, всюду разбрасывались «прелестные письма». Посмотрим на карту. Весь заштрихованный район,— это район разинщины: мы видим, что она раскинулась на многие сотни верст.

11. КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Очевидно, план Разина был такой: от Астрахани подняться вверх по Волге до Нижнего-Новгорода, по пути покоряя себе поволжские города — Саратов, Самару, Симбирск, Казань. А из Нижнего Разин хотел направиться к Москве.

Этот план не удался. Разин сумел легко укрепиться в Царицыне и захватить Саратов и Самару. Эти города перешли к нему таким же образом, как и Астрахань. Завладеть городами разинцам помогала городская беднота. После захвата городов и жестокой расправы с царскими управителями городов и представителями правящих классов разинцы вводили в городе казацкое устройство, поровну делили, «дуванили», между казаками и городской беднотой захваченное имущество богатых, жгли царские архивы, правительственные бумаги, выбирали свою власть.

Но Симбирск оказал Разину упорное сопротивление. Правительство успело стянуть к нему массу войск из Казани. Эти войска были лучше вооружены, чем разинцы, и лучше обучены. Долго и напрасно осаждал Разин Симбирск. Войско его численно сильно увеличилось. Со всех сторон к Разину приходили крестьяне соседних деревень, восставшие против господ, и просились в войско Разина. Часто приходили восставшие не только из ближних, но и дальних деревень: они просили прислать к ним делегатов-разинцев для руководства их местным восстанием и для введения в их селах казацкого устройства. Разин во все стороны рассылал небольшие казацкие отряды для агитации и призыва к восстанию. Это было необходимо, но это распыляло основные боеспособные кадры Разина.

В огромной волне крестьянского восстания, поднятого Разиным, была и сила и слабость разинщины. Сила была в мощности, размахе и подъеме настоящего массового движения. Слабость была в невозможности для Разина спаять эту массу в одно организованное целое, вовлечь в планомерные и длительные революционные действия по строго выработанному и далеко

заглядывающему плану. Не обученное военному делу крестьянство, заполнявшее ряды его войска, не было даже вооружено, — в лучшем случае оно несло с собой косы, дубины, топоры. Но против царских пушек этого было маловато. Главная же беда была в том, что крестьянство каждой отдельной деревни в большинстве случаев считало самыми важными делами дела своей деревни или своей местности. Введение казацкого устройства и расправа со своими местными властями казались ему самой значительной целью борьбы. Силы же, способной объединить все революционные вспышки и направить по единому, плановому революционному пути, направить и на борьбу с царизмом,— такой силы еще в то время не было. Такой силой является рабочий класс.

Вскоре Разин был разбит под Симбирском, вынужден был бежать вниз по Волге и из Царицына переправиться на Дон. Но эта неудача вождя не послужила сигналом к немедленному упадку восстания. Наоборот, — оно охватывало все более широкий район и поднимало на борьбу массы крестьянства. В мощном крестьянском движении 1670 г., особенно его второй половины, была страшная угроза крепостному строю.

В крестьянскую революцию были втянуты не только крепостные крестьяне помещиков. В ней участвовали и другие разряды обездоленного и угнетенного крестьянства. Восставали крестьяне государевых сел и вотчин, принадлежавшие уже не рядовому помещику, а самому крупному помещику и барину — царю. Мы помним, что этим крестьянам жилось не лучше помещичьих крепостных.

На Руси в то время был еще один крепостной барин, владевший массой крепостных крестьян и имений. Это был монастырь.

Большое количество русских монастырей вело об-ширное крепостное хозяйство. Крепостные крестьян[е] монастырей также участвовали в разинщине.

Огромной силой революции явилось нерусское на-селение — мордва, черемисы, чуваши, которых сильн[о] притесняли и помещики и царская власть. Но из эти[х] угнетенных народностей к Разину приставало не вс[е] население, а лишь беднота. Богатеи и купцы из чуваш, мари, татар — жались к русским купцам и дворянам и часто даже выдавало своих бедняков царской власти.

Очень важно отметить, что в разинщине принимали участие и рабочие. Тогда еще не было настоящего рабочего класса, осознающего свои политические за-дачи и цели классовой борьбы. Но мы помним из пер-вых глав, как Разин втягивал в свои отряды судовых рабочих, грузчиков — «ярыжек», сопровождавших «на-сады» с хлебом. Мы знаем, что в разинщине принимали участие и «будники», так назывались рабочие поташных заводов. Рядовые стрельцы переходили также на сто-рону разинщины. Но, несмотря на такой разнообраз-ный состав, в разинщине численно преобладало кре-стьянство. Оно было основной движущей силой этого восстания.

Пламя революции скоро охватило весь Нижего-родский край, в районе между Волгой и Окой, распро-странилось и дальше. Огромные отряды восставших были объединены атаманом Максимом Осиповым, по прозванию «Нечай». Кипело восстание холопов и кре-стьян в Нижегородском уезде: по донесению царских разведчиков восставшие — «разных помещиков и вот-чинников люди и крестьяне боярские и дворянские дворы разоряли и помещиков своих имали и к ворам отводили и до смерти побивали». Другими словами, шел разгром помещичьих имений и расправа с госпо-

дами. Атаман Нечай захватил Алатырь, Курмыш, Ядрин, Василь и Козьмодемьянск, к нему присоединились восставшие крупные торговые села — Лысково и Мурашкино, бывшие во владении царя. Был взят штурмом Макарьевский Желтоводский монастырь, находящийся на левой стороне Волги. Восставшие уже организовали правильную осаду Нижнего-Новгорода, приняли меры, чтобы отрезать его от сообщения с центром, но им это не удалось — к городу подоспела правительственная помощь.

Движение перекинулось в район Пензы и Тамбова. Еще из-под Симбирска Разин послал туда отряд под начальством казака Михаила Харитонова. Этот отряд захватил города — Корсунь и Саранск. Восстание распространилось на Пензу и Тамбов. Всюду шла расправа с помещиками, воеводами, захватывалось имущество помещичьих имений и делилось поровну между крестьянами. Выделялись вожди движения и из среды самих крепостных, — так в этом районе руководство движением взял в свои руки крестьянин по прозвищу «Чирок», объединивший массы восставших.

Мы помним о женщине-предводительнице — Алене. Под ее руководством восстало семь тысяч человек. Она была смелой, не знала страха в борьбе, и ее влияние на окружающих было так сильно, что многие крестьяне даже не хотели верить, что она простая женщина, а думали, что она — колдунья. Царский воевода Юрий Долгорукий, подавлявший разинщину, захватил ее в плен и жестоко с ней расправился: он велел ее сжечь в срубе. Когда Алене объявили приговор, она даже не изменилась в лице и, умирая, не испустила ни единого стона, — только сказала: «Когда бы все так воевали, как я, — князь Юрий давно навострил бы от нас лыжи».

12. РАСПРАВА.

Царское правительство двинуло на борьбу с разинщиной огромные военные силы под руководством самых опытных воевод. Но не так-то легко оказалось ее сломить. Восставшие упорно сопротивлялись и дорого продавали свою жизнь и свои революционные замыслы. Только успевали царские отряды подавить восстание в одном городе и деревне, перебить или перевешать зачинщиков — «заводчиков», как тогда говорили, и вновь привести население к присяге царю, как вдруг в тылу у царских войск или где-нибудь рядом вспыхивало новое восстание. Войска бросались туда, а в это время опять загорался мятеж в только что усмиренной местности.

Крестьяне, только что присягнувшие царю, или «инородцы», только что приведенные к «шерти» (особой присяге для нерусских народов), опять восставали, показывали свое настоящее лицо. Царские палачи страшно истязали и мучили попавших им в руки мятежников — не просто убивали, а сажали на кол, прибивали гвоздями к доскам, рубили на куски, вырывали языки, ноздри, отсекали руки.

Центром царских палачей был город Арзамас,— там производилась основная расправа с крестьянской революцией. «Страшно было смотреть на Арзамас, — говорит один очевидец, — его предместья казались совершенным адом. Повсюду стояли виселицы и на каждой висело по сорока и по пятидесяти трупов. Там валялись разбросанные головы и дымились свежей кровью, — здесь торчали колья, на которых мучились повстанцы и часто были живы по три дня, испытывая невероятные страдания. В про-

6. Расправа с разинцами у Арзамаса. (С картины художника Горелова, Музей революции СССР — Москва.)

должение трех месяцев в Арзамасе казнили одиннад-цать тысяч человек».

Последней сдалась «Астраханская республика». Ра-зин, уезжая в поход, оставил в ней, как мы помним предводителем атамана Василия Уса, а старшинами Федора Шелудяка и Ивана Терского. Василия Уса иногда еще звали «Чертоус». Это был главный помощник Разина и выдающийся вождь. Он всячески берег Астра-хань от врагов, следил, чтобы не было предательства Смерть от какой-то болезни помешала ему продолжать свое революционное дело. Во главе города стал Федор Шелудяк. Но правительство двинуло на Астрахань огромные силы и завладело городом. Шелудяка пове-сили.

Страшный конец ожидал и вождя всего движения — Разина.

Мы оставили его под Симбирском, откуда он бежал, разбитый войсками царского правительства, в Цари-цын. С Царицына Разин перебрался на Дон, в свой «Земляной город» под Кагальником. Но на родном Дону его ждала засада. Казацкая буржуазия, зажиточ-ные верхи казачества давно были злы на Степана и решили при первом случае предать московским вла-стям. Зажиточному казачеству было невыгодно ссо-риться с московской властью, — оно получало от нее много подачек, под ее защитой вершило свои тор-говые и политические дела. А тут «зверь» сам давался им в руки. Степан Разин был выдан царскому прави-тельству, заодно выдали и его младшего брата Фрола, участвовавшего в разинщине.

Братьев заковали в цепи. Но и закованный Степан Разин был страшен царским слугам. Их страх доходил до того, что они даже не соглашались верить, что Сте-пан — обыкновенный человек, а думали, что он колдун

7. Казнь Степáна Разина. (С картины художника В. Н. Пчелина, Музей революции СССР — Москва.)

и «чернокнижник». Поэтому, чтобы он не убежал при помощи своего «колдовства», цепи, в которые его заковали, даже освятили в церкви.

Везли его в Москву в клетке, как зверя. Малодушный Фрол плакал и упрекал брата. Но Степан был тверд, как сталь. Он даже находил в себе силы утешать Фрола и шутить с ним.

— Что ты плачешь? — говорил он. — Смотри, нас в Москве примут с почестями. Самые знатные господа побегут нам навстречу, чтобы на нас посмотреть.

Весть, что в Москву везут закованного Разина, распространилась повсюду. Действительно, толпы народа сбегались смотреть на него.

За несколько верст до Москвы царские слуги сорвали с Разина богатый шелковый кафтан и одели в лохмотья. Из Москвы приехала большая телега с виселицей. Степана Разина поставили на телегу, приковали цепью за шею к перекладине виселицы, а руки и ноги тоже цепями прикрепили к телеге. Фрол Разин был цепью прикован к телеге и должен был бежать за ней, как собака. Царская власть решила вдоволь поиздеваться над Разиным, она упивалась своей победой и стремилась на глазах у «черни» унизить ее вождя. Так и въехал Разин в столицу — Москву. Его подвергли страшным пыткам в земском приказе — били, выворачивали суставы, жгли на горящих угольях, водили по телу раскаленным железом. Но даже самые страшные пытки не вырвали у Разина ни единого стона и ни единого признания.

С июня 1671 г., через два дня после привоза его в Москву, была назначена казнь. С раннего утра на Красную площадь стали стекаться толпы народа. Степана Тимофеевича подвели к лобному месту. Он гордо выслушал приговор, присуждавший его к мучительной

казни, даже не побледнел и не изменился в лице. Брат его Фрол, наоборот, был малодушен. Степану Разину сначала живому отрубили правую руку, потом ногу и лишь после этого — голову. Такая казнь называлась четвертованием. Тело его рассекли на части и воткнули на колья, а внутренности бросили на съедение собакам.

13. ЧЕГО ЖЕ ДОБИВАЛАСЬ РАЗИНЩИНА И ПОЧЕМУ ОНА БЫЛА ПОБЕЖДЕНА.

Вот перед нами прошла вся история разинщины. Теперь мы можем ответить на вопрос, поставленный только что в заглавии: чего же добивалась разинщина и почему она была побеждена?

Разинщина была крестьянской революцией. Эта революция была прежде всего направлена против крепостного строя.

Ее основным лозунгом было освобождение крестьянства от крепостной неволи. С этим тесно было связано второе требование разинщины: освобождение от царских чиновников, от управления царских слуг — приказных, воевод, освобождение от платежей ненавистному крепостническому государству. Разин «объявлял всем волю», объявлял, что «идет за народ». Его агитаторы говорили, что Разин идет «истребить бояр, дворян и приказных людей». Разин шел и против царских прислужников — попов. Он был против церковной власти над трудящимися, называл попов «царевыми слугами», восставал против их поборов, против обрядов. Отношение разинщины к царским слугам — приказным, воеводам — было ясно. Но не так ясно было отношение к царю. Рядовой крепостной и холоп того времени не представляли себе отчетливо классовой сути царской власти. Они не отдавали себе отчета, что его

угнетатели — воеводы и царь — явление одного и того же порядка, проявление диктатуры крепостников. Неясное представление о царской власти влекло за собой и то, что в классовой борьбе разинцев с крепостным строем не было ясной определенной цели — свержения царя. Разин, приспособляясь к уровню понимания рядовых участников восстания, стремился даже использовать эту слабость их в интересах революционной агитации: он возил за собой в волжских походах две барки. Одна покрыта была красным бархатом, — рассказывали, что на ней вместе с разинцами едет царевич Алексей, сын царя Алексея. Это, конечно, было неправдой, никакого царевича не было, да и быть не могло, так как этот царевич незадолго перед этим умер. На другой барке, покрытой черным бархатом, якобы ехал патриарх Никон, который в то время не был в ладах с царем Алексеем. Это все было придумано для агитации и производило известное впечатление на восставших крестьян.

Но что хотели разинцы создать вместо крепостного строя? Они хотели ввести казачий строй — «учинить на Руси казачество, и учинить так, чтобы всяк всякому был равен». С отменой крепостного строя, расправой с царскими приказными и воеводами устанавливался «казачий круг» — собрание всех граждан с выборными властями на казацкий лад. Делилось поровну все имущество, отнятое у богачей. Эти цели были понятны крепостному крестьянству — в этом была их агитационная сила. Но слабость программы разинщины была в ее недостаточной ясности, в неразрешенности вопроса об устройстве центральной власти и об отношении к ее носителю — царю, а главное — в потребительском идеале равного раздела захваченного имущества. О производстве новых цен-

ностей, о новой организации этого производства втянутое в разинщину крестьянство по-настоящему не думало. Об этом думает революционный рабочий класс. Но тогда его еще не было.

Мы уже не раз говорили о том, как была внутренне организована разинщина. Ее враги, царские слуги, даже тогда, когда разинщина ушла в далекое прошлое, старались представить ее как нелепый мятеж, бессмысленный разбойничий бунт, пьяный грабеж и расправу. Такое мнение — клевета на разинщину.

Разинщина имела свою внутреннюю организацию. Отряды Разина имели казацкое устройство. Они делились на сотни и десятки под начальством выбранных казаков — «сотских» и «десятских». Отряды имели свои знамена. Во главе стоял атаман, который имел во время восстания огромную власть и требовал соблюдения строгой дисциплины. Случалось, что казаков, которые не выполнили какого-нибудь революционного поручения или не хотели слушаться начальников, Разин предавал смертной казни. Если участнику восстания, входившему в отряды Разина, надо было отлучиться домой, поехать повидаться с родными в деревню или по какой другой причине,— он мог уехать, только получив отпуск, и обязан был точно вернуться в назначенный срок. Проходя по деревням, Разин вовлекал в свои отряды не всех крестьян. Мы замечаем у него некоторые признаки так сказать «воинской повинности» — он привлекал в свое войско определенное число мужчин с крестьянского двора, не забирал всех мужчин, заботясь, чтобы крестьянское хозяйство не осталось без рабочих рук.

Атаман Разин в важных случаях никогда не действовал один,— он собирал собрание — «казачий круг» —

и решал важные вопросы сообща. У Разина были заместители — вожди восстания, пользовавшиеся огромным доверием восставшей массы — например Черноярец, Василий Ус.

При захвате новых городов был выработан общий план установления новой власти в городе. Мы помним, что всюду Разин действовал по одному плану: в городе свергались и избивались царские слуги, дворяне, приказные. Выпускались из тюрьмы колодники, сжигались царские архивы, делилось поровну имущество богатых, вводилось казацкое устройство. Выделялся из войска Разина начальник-руководитель такого города — например в Астрахани Василий Ус, Федор Шелудяк. В захваченном городе оставался выделенный отряд.

Огромное войско Разина требовало правильной доставки продуктов, а это было довольно сложно. Иногда разинцы, когда нехватало захваченного продовольствия, закупали недостающее, — мы знаем о таких торговых отношениях разинцев, с калмыками например.

Разин, несмотря на свою огромную роль, никогда не выделял себя из среды казаков, не захватывал себе лишней добычи, не обставлял своей жизни особыми удобствами. Все документы говорят нам, что он держал себя, как простой казак, так же одевался, жил в той же обстановке, что и другие. Это особенно поднимало его авторитет среди казачества.

Ясно, что войско Разина имело свои организационные центры, свои канцелярии, тысячами фабриковавшие разинские прокламации — «прелестные письма». Была организована и планомерная устная агитация — разинские посланные, агитаторы, делали огромное дело.

Все это говорит за то, что у Разина была определенная организация. Но, конечно, это была организация недостаточная для революционной победы. Классовые интересы крестьянства, городской бедноты, нерусских народностей, стрельцов, рабочих, втянутых в восстание, не вполне совпадали. В восстании шла и внутренняя борьба. Разинщина оказалась не в силах спаять революционную массу такой программой и тактикой, которая содействовала бы полной революционной победе. Об основной слабости восстания мы уже говорили раньше: не было еще такой классовой силы, которая сорганизовала бы разрозненное крестьянство и повела бы его на бой до победного конца, — такой силой может быть только рабочий класс. А крестьянские восстания во время разинщины вспыхивали повсюду, но считали своей главной целью не свержение крепостного строя во всей Московской Руси, с царем во главе, а только уничтожение крепостничества в своей местности или даже в своей деревне. Ярко вспыхнув где-нибудь, пламя восстания тут же и прогорало, теряло свою основную силу на местную борьбу.

Разинщина была разбита. Крепостничество победило. Ярмо крепостной неволи еще туже стянулось на крестьянской шее.

14. В КРЕПОСТНОЙ ДЕРЕВНЕ ПЕРЕД ПУГАЧЕВЩИНОЙ.

Между разинщиной и пугачевщиной прошло почти сто лет: разинщина была подавлена в начале 70-х годов 17 века, а пугачевщина разразилась в 70-х годах 18 века.

За это столетие положение крестьян стало еще хуже.

Крепостная неволя стала еще тяжелее.

Побываем опять в какой-нибудь крепостной деревне, посмотрим, что же изменилось ко второй половине 18 века, примерно через сто лет после Разина (смотри рис. 8).

Попрежнему ходит по дворам барский приказчик, стучит палкой в дверь, гонит на барскую работу или требует оброка. Но теперь он требует всего еще больше, а особенно добивается денег.

Почему? Потому, что расширилась торговля, развились денежные отношения. Имение теснее связывается с рынком, с покупкой и продажей. Например помещик-барин гораздо больше покупает нужных ему вещей. Сто лет тому назад боярин носил рубашку из домотканного холста и кафтан из домашнего сукна, сделанного в его деревне. А теперь барину нужно и покупное голландское полотно и тонкое английское сукно, за которое надо отдать большие деньги. На все, чего ни коснись, требуются деньги, и барин жадно тянет с крестьян денежный оброк. Но главное — становится все выгоднее торговать с заграницей. Там растет капитализм, ширятся торговые отношения. Туда все больше требуется и леса, и сала, и хлеба. Дворянин выкачивает продукты из своих крепостных деревень и сбывает их по выгодной цене.

Поэтому помещик все расширяет и расширяет свою запашку. Крестьянам приходится все больше работать на барских полях, — барин хочет добыть больше хлеба на продажу. А откуда же помещик брал землю для расширения своей запашки? Да отнимал от крестьянских полей!

Теперь помещик все чаще приезжает в имение и руководит хозяйством. При самом барине работа еще тяжелей и наказания строже. С тех пор как в 1762 г

царская власть освободила дворян от обязательной военной службы, дворянину стало еще свободнее. Многие дворяне, привлеченные высокими барышами от торговли, прочно осели в своих имениях, реже чем раньше находятся в отсутствии и выжимают из своих крестьян все, что возможно.

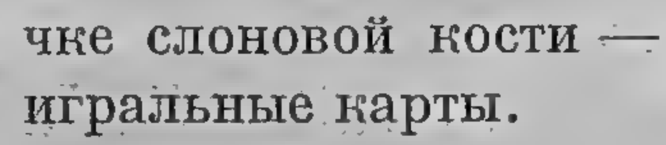
В крепостной деревне все та же темнота, гнет и беспросветная жизнь. А в барском доме все стало еще

8. Крепостная деревня эпохи пугачевщины. (Из Ле-Пренса.)

богаче и выглядит совсем по-иному. Дом построен новый, на пригорке — каменный, в два этажа с белыми колоннами. От ворот к нему тянется прямая, как стрела, подъездная аллея — это сделано нарочно, чтобы великолепный дом сразу был заметен при въезде, издалека бросился в глаза. Так строят свои дома и дворяне во Франции, а дворянская Франция славится великолепием своей придворной и дворянской жизни, — русские дворяне берут с нее пример.

В доме богатое убранство — затейливыми звездочками из дерева разных оттенков выложен паркет — все работали крестьяне. Мерцают зеркала, расставлены бархатные кресла на гнутых ножках. На камине дорогие бронзовые канделябры, подсвечники и затейливые часы с бронзовыми амурами, цветами, стрелами. Часы необыкновенные, показывают не только час, а день, месяц и год. В хозяйском кабинете — иностранные книги в кожаных переплетах, шитые бисером трубки, дорогой табак в резной коробке, в шкатулочке слоновой кости — игральные карты.

9. Щеголь—дворянин 18 века.

Сам хозяин в напудренном парике, шелковых чулках, подвязках с лентами, коротких атласных штанах и голубом атласном камзоле, расшитом белым шелком (см. рис. 9). Так же богато одеты его жена и дети.

10. Щеголиха—дворянка 18 века.

Вокруг барских кресел, трубок, пудренных париков и зеркал мечутся и бегают многочисленные дворовые. Это в прошлом те же крестьяне, только барин отнял у них землю, а самих переселил к себе в дом для услуг и работы по дому. Держать в порядке всю затейливую обстановку, пудрить парики, натирать паркет, тончайшей вышивкой покрывать барское белье и платье — на это нужно много уменья и

труда. Для париков выписывается пудами особая английская мука — род пудры. За тонкими вышивками и кружевами может быть ослепла не одна дворовая девушка, склоняющаяся в девичьей над пяльцами при окриках сердитой экономки, которая может ее высечь, если она не вышила положенного «урока».

Вот перед нами щеголиха — барыня-дворянка (см. рис. 10). У нее пышное платье и невероятная напутанная прическа. Можно ли работать в такой прическе? Конечно нельзя. С ней даже голову трудно повернуть, не то что работать! И прическа и костюм говорят, что барыня не знает труда, что она живет чужим трудом. А вот другая картинка — барыня отдыхает (см. рис. 11). Она одна даже отдыхать не может,— около нее три дворовых «девки»: одна «ищет» у нее в голове, другая подает ей блюдо варенья, третья щекочет ей пятки. А барыня вся обложена мягкими подушками.

Не все дворяне живут так богато, есть и победнее. Но все тянутся именно к такой богатой жизни и возможность ее выколачивают из того же крепостного крестьянина, напрягая его труд до последней возможности.

В 18 веке на царском престоле один за другим сменяются царицы и цари, которые выражают классовые интересы дворян-крепостников: Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Петр III, Екатерина II. Все эти царицы и цари издают многие законы в пользу помещика-дворянина, усиливают его власть над крепостными, дают ему права маленького царя в имении: помещик получил даже право продавать крестьянина, как вещь, без земли, разлучать детей с матерью, мужа с женой, как угодно наказывать своих крестьян, даже ссылать в Сибирь. Царицы раз-

давали массы крестьян и земель своим слугам и любимцам.

Не только в имениях, на помещичьих полях эксплоатировали крепостного крестьянина, — еще хуже ему жилось, если его делали рабочим, гнали на помещичью фабрику или приписывали к купеческому или казенному заводу. Помещик, гнавшийся за деньгами,

11. Отдых барыни-дворянки. (Из Штерна.)

устраивает теперь у себя в имении фабрики и заводы. Работал на них, конечно, тот же крепостной. Он работал обычно от восхода до захода солнца в самых страшных, тяжелых условиях. Рабочих морили голодом, не выдавали заработной платы, а засчитывали ее в подати, били плетьми и розгами за невыполненную работу и особенно жестоко наказывали за попытку к побегу. Иногда заводчик издавал такие правила,

что за один день прогула вычитался месячный заработок, и рабочего заставляли работать закованного в цепи. Искать управы было негде, жаловаться на крепостника-фабриканта его же друзьям — крепостникам-чиновникам и судьям — было бессмысленно.

15. НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ МЕЖДУ РАЗИНЩИНОЙ И ПУГАЧЕВЩИНОЙ.

Немудрено, что такое тяжелое положение крестьян вело к восстаниям. Крестьянские волнения между разинщиной и пугачевщиной, конечно, не прекращаются. Они идут непрерывной чередой. Развитие крепостнического хозяйства питает их, готовит крестьян к пугачевщине, дает им основу для приобретения опыта восстания. И чем ближе к пугачевщине, тем более грозной волной накипают крестьянские волнения. Одним из крупнейших волнений начала 18 века был «Булавинский бунт». Он вспыхнул в 1707 г. Во главе восставших стоял казачий сотник Кондратий Булавин, — по его имени и названо движение. Правительство хотело вернуть с Дона беглых холопов и крестьян, скрывавшихся там от крепостной неволи. В ответ на это и вспыхнуло восстание под лозунгом «итти на Москву, бить бояр». Правительство жестоко подавило восстание, многих участников казнило. Сам Булавин застрелился.

За эти сто лет мы очень часто встречаемся со знакомой нам формой крестьянского протеста против крепостного гнета — с разбоем. Бегство крестьян от помещиков очень сильно развивается. Беглецы укрываются в темных лесах, оврагах, образуют разбойничьи организации, громят помещичьи имения, деревни, монастыри. С правительством разбойники ведут настоя-

щую войну. Целые полки, посланные на борьбу с ними, не могут их побороть. Особенно сильны были разбойники в Поволжьи и на южных дорогах, но часто разбой захватывал даже столицы — Петербург и Москву. Многие разбойники стали знаменитостью — одни их имена приводили в трепет помещиков, например орудовавший в 1710 г. разбойник Гаврила Старченок или в 1744 г.—разбойник, беглый крестьянин Зацепляев, объединивший вокруг себя помещичьих дворовых людей и напавший в самой Москве на Донской монастырь. Был известен еще другой разбойник — Ванька Каин.

Другой формой, тоже знакомой нам, были крестьянские восстания. Они вспыхивали на почве притеснений, тяжких поборов, непосильной работы и борьбы за землю и в помещичьих имениях и в монастырских селах и вотчинах. В 40-х годах 18 века вспыхнуло, например, восстание крестьян Троице-Сергиева монастыря, недалеко от Москвы. Крестьяне выгнали монастырских управителей и приказчиков, организовались в правильные отряды, вооружились не только дрекольем и топорами, но раздобыли и огнестрельное оружие. В отрядах были не только мужики, но и женщины. Пожилые крестьянки и даже молодые девушки вооружились и были готовы к бою. И бой начался. Правительство выслало массу войска, но крестьяне не дали ему первому напасть, а сами напали на него. В конце концов правительство послало подкрепление и подавило восстание. Но это восстание было лишь первым признаком подъема крестьянского возмущения — волнения усилились, а в 1752 г. приняли почти небывалые размеры. Многие помещики из поволжских и других имений должны были спешно с женами и детьми выехать в губернские города, — в деревнях оставаться было невозможно.

К середине 18 века заметно нарастание волнений и в войсках. Кто были солдаты того времени? Те же крепостные крестьяне. Помещики сдавали в рекруты своих крепостных по определенной разверстке. Царская служба в армии была страшно тяжелой, особенно для

12. Поволжские разбойники. (Эскиз Перова.)

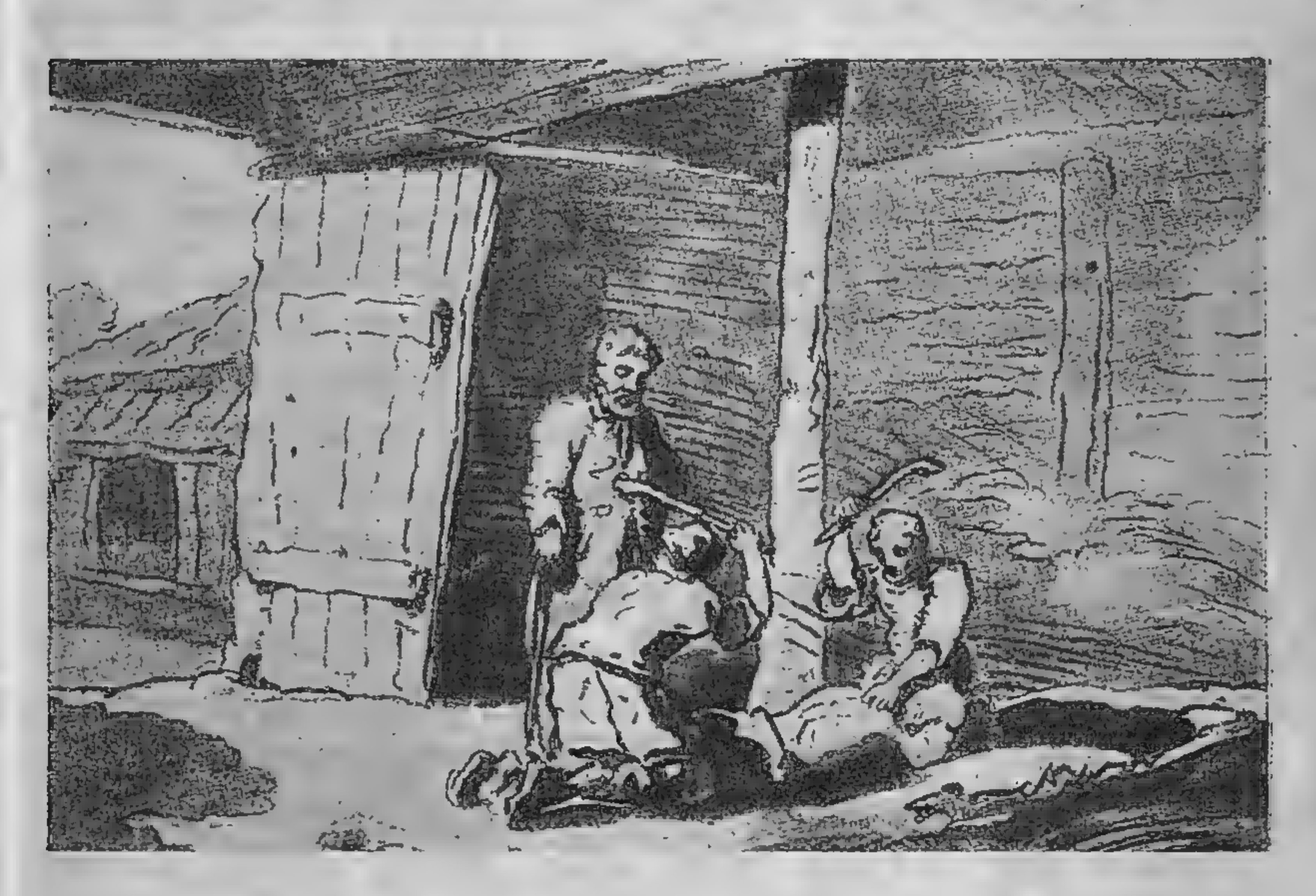
рядового солдата. В 40-х годах 18 века солдаты не только сами восстают, но выступают организаторами волнений крестьян и городской бедноты.

Нужно отметить учащение нового вида народных волнений, особенно важного: это — рабочие волнения. Они носили пока характер отдельных вспышек. Например в 1740 г. на ярославской полотняной

фабрике, принадлежавшей Ивану Затрапезному, был «открыт заговор фабричных». Рабочие этой фабрики сговаривались фабрику сжечь, итти опять в деревню к земледельческим работам и по возможности подготовить к тому же рабочих других фабрик. Мы видим, что в этих рабочих еще нет настоящего пролетарского сознания. Настоящий пролетарий не станет жечь фабрику и разрушать машины, — он организует борьбу не с фабрикой, а с классовым врагом — фабрикантом и со всем капиталистическим строем. Но рабочий 18 века, связанный с землей и мечтавший о своем деревенском хозяйстве без барина-крепостника, еще не дошел до этого сознания и, разрушая фабрику, выражал свой стихийный, бессознательный протест против крепостного строя. Но есть проблески и иного отношения к борьбе. В 1752 г. на малоярославской бумажной фабрике Гончарова восстали рабочие, — они привлекли на свою сторону солдат, достали оружие и под руководством опытных в военном деле «служивых» производили правильные военные учения, готовясь к схватке с правительственными войсками. На фабриках того времени были и организованные забастовки. В 1762 г., например, была устроена забастовка на суконной фабрике главной московской мануфактуры. Рабочие этой забастовкой протестовали против невыплаты заработной платы, против негодного сырья и бесчеловечных наказаний.

А что делалось в 18 веке между разинщиной и пугачевщиной среди нерусского населения — среди чуваш, мари, мордвы, татар, калмыков? Трудящаяся часть этих народов волновалась все сильней и сильней против крепостного строя. Дело в том, что в 18 веке притеснения «инородцев» царским правительством зна-

чительно усилились. Мы говорили, что помещики того времени расширяли свое хозяйство, захватывали все больше и больше крепостных крестьян и новой земли. Приволжские и заволжские степи, по которым издавна кочевали, на которых вели свое хозяйство татары, башкиры, чуваши, царское правительство у них просто отнимало, сгоняло прежних жителей вооруженной

13. Рабочего бьют батогами на крепостном заводе. (Из Аткинсона.)

силой. А там, где эта сила не применялась, в ход пускали хитрость и обман, — покупку по ничтожной цене, кабальную сделку.

Чтобы легче властвовать над «инородцами», царское правительство всячески стремилось сделать их «православными христианами», перевести в свою веру. Тогда к русскому начальству над «иноверцем» прибавлялся еще православный поп. Стращая «новокрещена»

(то есть «вновь крещеного») адскими муками, попы внушали ему необходимость повиноваться русским властям. Кроме того у «новокрещенов» было легче отобрать нужную русскому крепостнику землю: закон запрещал торговые сделки между крещеными и некрещеными. Немудрено, что «инородцы» всеми силами держались за свою «веру». Эта приверженность к вере была прикрытием хозяйственной и политической борьбы с русским крепостником.

Трудно даже перечислить все гнусности и издевательства, к которым прибегало русское правительство, чтобы заставить татарина или башкира или другого какого «иноверца» креститься, чтобы потом эксплоатировать его. Были случаи подкупа, — забитого, темного крестьянина или кочевника заставляли креститься за новую рубашку, за яркий поясок. Иногда крестили насильно, — были случаи, что в крестильную купель окунали связанных по рукам и ногам татар или чуваш.

Русские попы брали огромные платежи за исполнение треб у «инородцев», требовали и денег, и кур, и баранов. Они следили за ними, как шпионы, все ли обряды церкви они выполняют, чтобы потом, словив их на чем-нибудь, взять взятку.

Были такие случаи. Приезжает поп и добивается, ели ли «инородцы» сегодня постное. Они говорят — ели. Но поп не верит: он идет на помойку, роется в мусоре, и горе татарину или башкиру, если он найдет кости от мяса или остатки какой-нибудь скоромной пищи. Но если даже и помойка не помогла, поп изобретал еще более гнусное средство. Он поил «инородца» раствором табака — это действовало как сильное рвотное — и таким образом стремился узнать, елась ли скоромная пища.

А откуда взять, например, скотоводу-кочевнику постного? Его главная пища — мясо, молоко, сыр, — а это все считалось скоромным. Ясно, он в большинстве случаев постную пищу должен был покупать у русского обиралы-купца.

После всего этого вполне понятно, что восстания «инородцев» против русских поработителей отличались страшной силой. В 1734 г. поднялось огромное башкирское восстание. По меньшей мере до 1760 г. восстание продолжалось с перерывами. Его «усмирял» крепостник-дворянин Неплюев. Это была настоящая колониальная война угнетенного народа против своих поработителей. Предводителем был Бартама Алеев. «Усмирить» восстание удалось больше всего обманом — через разжигание национальной вражды отдельных народностей друг к другу, — например, башкир и киргиз. Против «инородцев» пришлось выстроить целую линию «крепостей» — так называемую «Оренбургскую линию». На землях, отнятых насилием от башкир, были выстроены многие заводы — главным образом железоделательные и медноплавильные.

Мы видим, что вся совокупность хозяйственных и классовых отношений делала возможным назревание нового восстания. Пугачевщина близилась. Она охватит Поволжье, Урал, частью Сибирь. Какие группы населения примут участие в этой новой революции? Обзор волнений 18 века помогает нам ответить на этот вопрос. В пугачевщине будут участвовать крепостные крестьяне, рабочие, «инородцы»...

16. ПУГАЧЕВЩИНА НАЧИНАЕТСЯ.

На Урале и в Поволжьи давно уже было неспокойно. Казалось, измученное крестьянство и казачья

«голытьба» только ждут какого-то сигнала. В такое время как-то сами собой появляются организаторы-вожди.

Неспокойно было и на реке Яик, еще сто лет тому назад прославившейся походами Разина. По берегам ее жило яицкое казачество. И здесь, как на Дону, под видимым всеобщим равенством казаков и правлением собрания всего казацкого общества —«круга» скрывалось классовое расслоение казачества. Попрежнему бежать «в казаки» на Дон, на Днепр, на Яик, на Волгу, — было исходом для крестьянина, замученного крепостной неволей.

Сто лет тому назад плохо жилось крестьянину, а теперь, в 18 веке, стало еще хуже. Мы уже говорили, что правительство дворян-крепостников раздавало все больше земель помещикам и все больше и больше крестьян делалось крепостными. Урал манил русского крепостника своими богатствами: тут было железо, медь, серебро, драгоценные камни. Тут выгодно было строить заводы, выжимать почти даровой труд из крепостных рабов и наживать большие капиталы. В своих земельных захватах царское правительство доходило и до привольных яицких степей, которыми издавна пользовалось яицкое казачество. Ведя постоянную колониальную войну с «инородцами» тех мест, царское правительство все меры принимало, чтобы яицких казаков сделать своим регулярным войском. Это было выгодно зажиточным казакам — «старшинской стороне»: чем тесней была бы их связь с царской властью, тем больше разных подачек, чинов, крупного жалованья переходило бы «старшинской стороне», тем сильней была бы ее власть над рядовой казацкой беднотой. Но бедноте-то такая связь не обещала ничего хорошего. Недовольство нарастало. Нужен был лишь повод,

14. Помещица-дворянка истязает крестьянина. (С картины П. В. Курдюмова «Салтычиха».)

чтобы ему прорваться, и этот повод конечно, нашелся.

В 1771 г. массы калмыков (30 000 калмыцких кибиток!), не желавших покоряться царской власти, покинули приуральские степи и бежали из российской империи. С ними от царской власти ускользало огромное богатство — сдираемый с калмыков огромный налог — «ясак». Правительственные агенты и казацкая старшина потребовали, чтобы казаки организовали за калмыками погоню. Рядовое казачество не согласилось. Вспыхнул мятеж.

Усмирять мятеж приехал из Оренбурга жестокий генерал — Траубенберг. Он схватил главных агитаторов против царского правительства, наказал плетьми и, обрив бороды, послал на регулярную службу в Оренбург. Обрить бороду считалось величайшим бесчестьем для казака. Восставшие казаки отбили пленных, и «мятеж» еще ярче разгорелся. Голытьба отбила пушки и победила в бою «старшинскую сторону». Но правительство прислало новые войска для подавления восстания и победило. Все былые «вольности» были отняты от казацкого яика: был уничтожен казацкий «круг» (общее собрание казаков), начальником над войском был поставлен назначенный комендант. Массу зачинщиков восстания арестовали и увели в Оренбург. Ими переполнили все оренбургские тюрьмы и даже гостиные дворы и лавки, потому что в тюрьмах нехватило места. Арестованных истязали, подвергали пыткам... Казацкая беднота была взволнована и напряжена до последней степени. И вот в это время пошел по Яику странный, таинственный слух...

Дело в том, что за несколько лет до казацкого восстания, в 1762 г., далеко, в столице Петербурге (те-

перешнем Ленинграде) произошло следующее: немецкая принцесса, жена царя Петра III, опираясь на дворян-крепостников, свергла с престола своего полоумного мужа и сама воцарилась на нем под именем Екатерины II. А чтобы прочнее закрепить за собой престол, тихонько приказала своего мужа убить. Народу, конечно, ничего не объявили и написали в манифесте, что Петр III умер от «геморроидальной колики»...

Конечно, Петр III был такой же крепостник на престоле, как и другие цари, но краткость его царствования (он царствовал всего 6 месяцев и 3 дня) и таинственная смерть окружили его имя легендой в трудовом народе. Этому еще то помогло, что действительно во время царствования Петра было несколько отдельных законов, отчасти изменявших к лучшему положение трудящихся: были отняты у монастырей земли, и крепостные монастырские крестьяне были освобождены, были даны некоторые облегчения раскольникам, уничтожена тайная канцелярия. Все это питало легенду. Раз крепостница-дворянка Екатерина убила мужа и села на престол, значит муж хотел сделать что-то в пользу «простого народа», великой притеснительницей которого была Екатерина. А потом еще вопрос — умер ли этот «добрый царь»? Может он сумел скрыться от своих убийц? Может он бродит где-нибудь среди «простого народа» и собирает его на борьбу с царицей-угнетательницей?

И действительно, из разных деревень, замученных крепостной неволей, шли слухи, что Петр III жив и «объявился» в этих деревнях. Имя убитого царя принимал на себя то беглый крестьянин, то солдат — организатор крестьянских волнений. Такой «самозванец» рассчитывал, назвавшись Петром III, иметь больший

вес, произвести более сильное впечатление на крестьянскую массу. Самозванцев было много: беглые солдаты Кремнев и Чернышев, армянин Асланбеков, беглый крестьянин Богомолов. Самозванцев этих правительство быстро успевало арестовывать и круто с ними расправлялось. Но вот, после расправы с восставшим яицким казачеством, тоже пошел по Яику слух, что где-то на Яике скрывается Петр III.

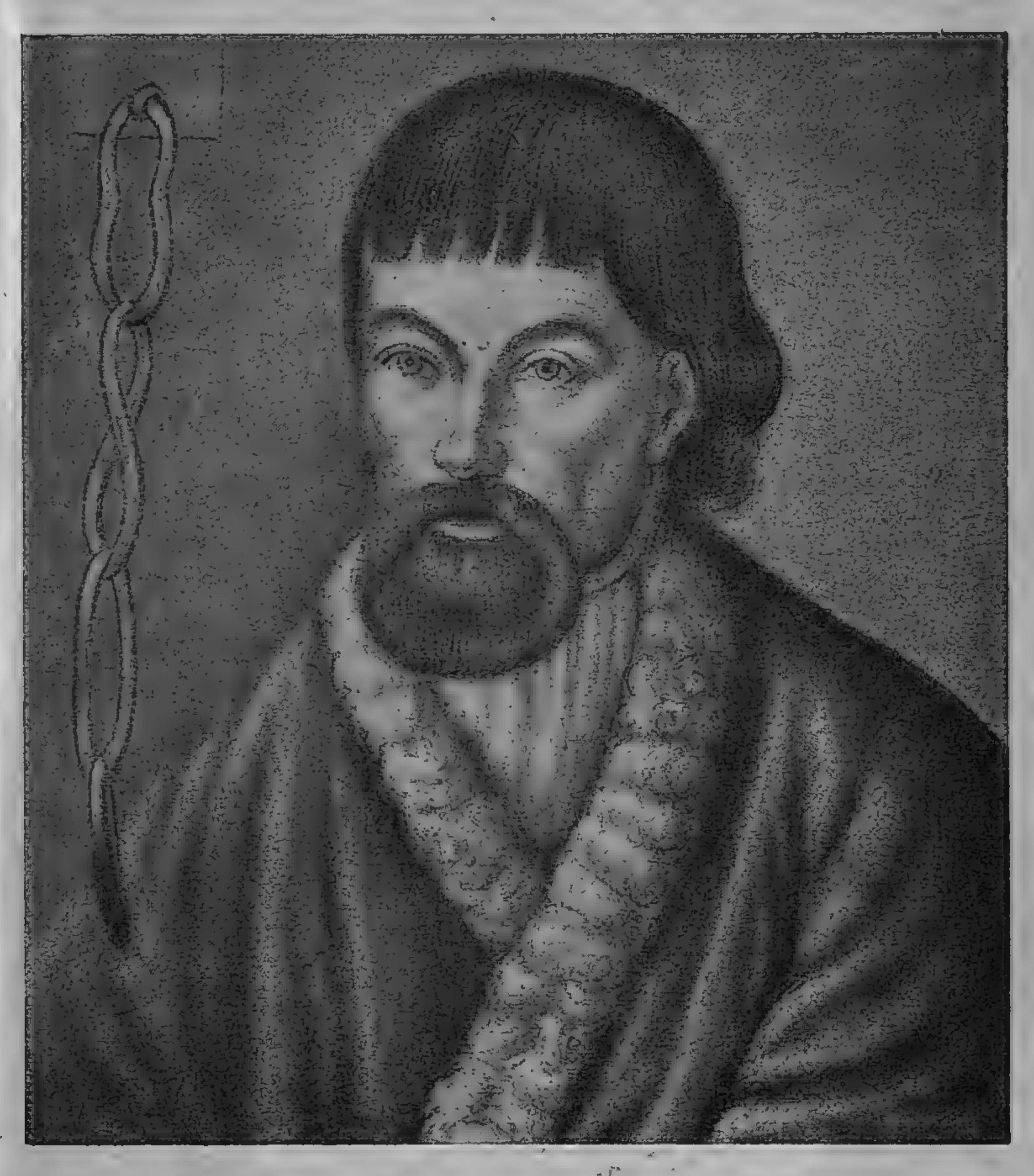
Этим именем назвался бедный донской казак Зимовейской станицы Емельян Иванович Пугачев.

У Пугачева была светлая голова, крупный организаторский талант и большой жизненный опыт. Убежав от тягостей царской службы, Пугачев, скрываясь от царского правительства, побывал во многих местах. Был он в Таганроге, на берегу Азовского моря, потом на Кавказе, на реке Тереке. Тут он был схвачен, как беглый, посажен в тюрьму и прикован к стене. Но он бежал вместе с обрывками цепи и подговорил бежать вместе с ним караулившего его солдата. Некоторое время Пугачев скрывался в Польше. Там было так много беглых, что царица Екатерина II, не желая терять податных людей, издала указ, разрешавший беглецам беспрепятственно вернуться. Пугачев воспользовался этим указом и вновь оказался в России.

Попав на Яик, Пугачев назвал себя Петром III и начал подготовку к восстанию. Его подготовка не прошла ему даром. Правительство его схватило, посадило вновь в тюрьму, в Казани. Но он опять бежал и вновь появился на Яике продолжать свое дело.

Быстро подобралась группа надежных, решительных казаков. И вот однажды, в глухой уральской степи, устроено было тайное свидание с вождем. Оно должно было кончиться решительным уговором.

Приехали казаки Чика, Шигаев, Караваев, Мясников, приехал и Пугачев. Соскочили с коней, привязали их, расположились на земле. Казаки привезли

15. Портрет Емельяна Ивановича Пугачева.

с собой арбузы. За едой шел долгий разговор. Пугачев показывал у себя на теле какие-то «царские знаки».

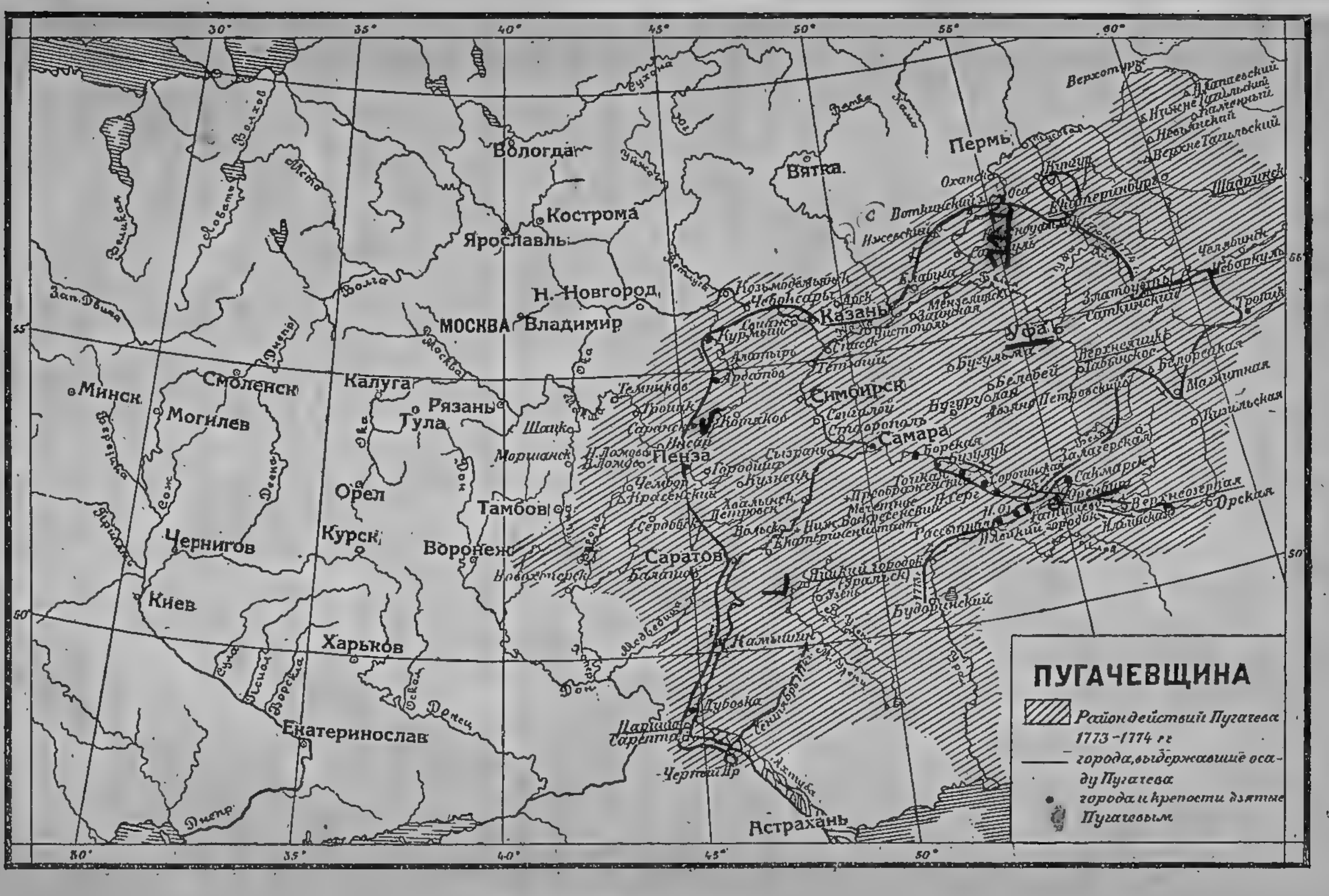
Шли речи о том, что «чернь тоже вся притеснена и вконец разорена», что казаки готовы итти за Пугачевым.

— На меня вознегодовали государыня и бояры, оттого я и ушел. Вот, детушки, страдаю я 12 лет, был на Дону и в России во многих городах и приметил, что народ везде разорен и вы терпите много обид и налогов.

Так говорил Пугачев. Он нарочно придумал складную историю о своем «царском» прошлом. В ней ясно прорывается ненависть к дворянам-крепостникам, неправедным царским чиновникам — судьям и управителям.

— Знатные господа были причиной моей погибели, — говорил Пугачев. — Главная причина — отчего я им был не люб: многие бояры да дворяне, взявши чин, идут в отставку да живут себе в деревне с крестьянами, разоряют их, бедных, совсем. Дворяне завладели всем царством. Так стал я их принуждать служить и хотел отнять у них деревни, чтобы они служили на одном жалованьи. А судей-то, которые дела судят неправдою и притесняют народ, наказывал я и смерти хотел предавать. Вот господа за это и стали копать подо мною яму. Поехал я по Неве-реке гулять в шлюпке. Они меня тут и заарестовали да и показали на меня небылицу и заставили меня странствовать по свету. Где да где уж я не был и какой нужды не потерпел! Был голоден и холоден, в тюрьмах сколько сидел — уж только одному богу вестимо!..

Казаки не очень поверили, что Пугачев — царь Петр III. Для них это, к тому же, не так было важно — важнее было другое: то, что Пугачев говорил о притеснениях трудового народа, о страданиях «черни» от дворян, бояр, царских чиновников.

16. Карта пугачевщины.

— Пусть это не государь, а донской казак, — говорил как-то Караваев Чике,— но он вместо государя за нас заступится. А нам все равно, лишь бы быть в добре.

По первому зову казаков к ним присоединились новые сторонники: казаки, беглые крестьяне, калмыки. И уже к ноябрю 1773 г. восстание выросло до грозных размеров. Пугачев захватил ряд царских крепостей, укрепился в слободе Берде и осадил центр уральского края — город Оренбург.

17. ОСАДА ОРЕНБУРГА.

На правом, высоком берегу реки Яика раскинулся город Оренбург. Для того времени он был довольно значительным городом. В тогдашнем Петербурге Оренбургскую крепость считали построенной по всем правилам военного искусства. На реку Яик смотрели десять земляных бастионов, угрожавших несколькими десятками пушек. Между бастионами были городские ворота. Только три бастиона были одеты камнем, остальные оставались земляными. Город окружал глубокий ров.

Пугачевцы осадили город. Первое, что они сделали — была посылка тайных агитаторов к осажденным. Пугачев, как и Разин, понимал хорошо, что не все люди в осажденном Оренбурге — враги. Дворяне, чиновники — это враги, а рядовая солдатская масса городского гарнизона, городская беднота, крепостные крестьяне и дворовые — это друзья. Велась не только устная агитация, Пугачев посылал и прокламации — указы и манифесты от «царя Петра III». Пугачев призывал покориться ему, обещая освобождение от крепостничества, льготы, землю, свободу:

«Будете жалованы чинами и рекою и землею и травами и морями и денежным жалованьем и хлебным провиантом и свинцом и порохом и вечною вольностью»...

Гарнизон Оренбурга был явно ненадежен для правительства. Начальство замечало в подчиненных «робость и страх». Пугачев обращался с воззваниями не только к жителям города, но и специально к солдатам. Правительственные солдаты видели, как казак Иван Солодовников, посланный Пугачевым, подскакал к городу, вынул из-за пазухи «именной указ» от «Петра III», ущемил его в колышке, колышек воткнул в землю, а сам ускакал обратно. А в бумаге был призыв «оставить принужденное послушание командирам» и присоединиться к Пугачеву.

Прокламации Пугачева приводили начальство в страх и трепет. Один защитник Оренбурга — капитан Уланов так обалдел от страха, что, получив один такой пугачевский «манифест», собрал подчиненных ему солдат, которых по приказу правительства должен был бросить на Пугачева, и... прочел им пугачевскую грамоту, сам не понимая, что делает.

Конечно, его правительство арестовало.

Со всех сторон стягивались к Пугачеву под Оренбург сторонники. Приходили ногайцы, киргизы. Под Оренбургом к Пугачеву присоединилось 500 человек черемис, 600 человек башкир и 300 человек ставропольских калмыков. Приходили массами восставшие крестьяне. Иногда деревни посылали специальных делегатов к Пугачеву с жалобой на своих помещиков. Пугачев помещиков убивал, крестьянам объявлял волю, а имущество и имения захватывались крестьянами. На сто верст вокруг Оренбурга опустели все усадьбы — испуганные помещики разъезжались, спасались в города.

Пугачев хотел взять Оренбург измором. Он отрезал все пути к городу, не давал подвозить продовольствие. Действительно, в городе начался голод, и, может быть, план Пугачева и удался бы, если бы не подоспел присланный правительством отряд, который и отбросил пугачевцев от Оренбурга. По показанию царских генералов пугачевцы открыли огонь из пушек и стреляли очень метко, «не так, как бы от мужиков ожидать должно было».

Пугачев оставил Берду и снял осаду Оренбурга. Вскоре после этого он потерпел сильное поражение 22 марта 1774 г. под крепостью Татищевой. Это был переломный момент первого периода пугачевщины. Пугачев скрылся со своими сторонниками в Башкирию.

Но, несмотря на поражение под Оренбургом, у Пугачева было много внутренних организационных успехов. Пугачев завязал тесную связь с крепостным крестьянством и «инородцами», они втянулись в восстание. Это — первое. Второе и чрезвычайно важное — это связь пугачевщины с рабочими уральских заводов, наладившаяся именно в этот «Оренбургский период». В дальнейшем эта сила пугачевщины — восставшие рабочие — сыграла в восстании огромную роль.

18. РАБОЧИЕ-ПУГАЧЕВЦЫ.

На Урале уже в то время расположено было большое количество заводов. Были заводы железоплавильные, медные, на заводах лились пушки и ядра, необходимые царскому правительству в его частых войнах. Но на этот раз пушки и ядра пригодились против правительства. Те, кто умел делать пушки, умел из них стрелять. Восставшие рабочие — горняки и металлисты того времени — массами присоединялись к Пугачеву. Это

17. Рабочие привозят пушки к Пугачеву. (С картины художника М. И. А в и л о в а. Музей революции СССР — Москва.)

были самые подготовленные к восстанию массы. Мы уже говорили, как исключительно тяжелы были условия их работы и жизни. Как беспощадно эксплоатировали их, какие муки и издевательства они терпели от начальства.

По картине художника Авилова (рис. 17) можно представить себе, как рабочие привозили к Пугачеву пушки. Рабочие тогда с виду походили на крестьян. Новенькая, только что отлитая пушка лежит на телеге,— другая привязана к оглоблям. Один старик рабочий, привезший пушки, даже бросился на колени перед Пугачевым. Наверно, он говорит ему, что надеется на него как на избавителя от господ.

Восставшие рабочие составили собою крепкое артиллерийское ядро армии Пугачева, а многие горняки оказались в ней саперами.

Среди массы рабочих нашлись талантливые организаторы.

Иван Наумович Белобородов был «походным полковником» пугачевщины. Для того времени это был, так сказать, настоящий «потомственный» крепостной рабочий. Он был сыном «заводского крестьянина», — т. е. крепостного рабочего, приписанного к медному Осокинскому заводу села Медянки, Кунгурского уезда. На него пал тяжелый жребий — итти от села на царскую службу в солдаты. Его назначили в артиллерийскую часть, а оттуда послали в Петербург работать рабочим на пороховом заводе. «Жалованье» за эту работу он получал 4 р. 20 к. в год. Вот где он научился стрелять и делать порох. Это уменье пригодилось ему в революцию.

Жизнь на заводе того времени была невыносима. Притворившись больным, Белобородов вернулся на родину, занимался некоторое время крестьянским

делом и торговлей. Но вскоре вся жизнь переменилась.

1 января 1774 г. в их селе был базар. В пестрой крестьянской толпе вдруг появились агитаторы Пугачева. Они прочли собравшимся «манифест», звали к восстанию. Белобородов сразу решился к ним примкнуть. Авторитет его среди окрестных крестьян был так велик, что его немедленно выбрали «сотником» отряда восставших.

Отряд Белобородова пошел на заводы, там развил широкую агитацию. За Белобородовым пошли сотни рабочих. Он захватывал с заводов порох, пушки, ядра.

От завода к заводу его армия росла. Восхищенный его успехами Пугачев прислал ему «указ» с поздравлениями и с «пожалованием его, Белобородова, атаманом». Шайтанский, Уткинский, казенный завод, заводы богача-кровопийцы Демидова, позже Воткинский, Ижевский и многие другие — все были захвачены при помощи Белобородова.

Белобородов охранял производство нужных заводов и по требованию Пугачева посылал ему новые партии пороху, пушки, ядра. Он выполнял важнейшие организационные поручения: строго следил за дисциплиной в войсках, производил наборы новых войск в пугачевские отряды, устраивал сбор продовольствия. Мы еще встретимся с ним под Казанью. Он вместе с Пугачевым разделит командование при осаде города.

Другим видным организатором рабочих-пугачевцев был Хлопуша.

Хлопуша сам был долгое время крепостным рабочим на уральских заводах. Он не хотел покориться тяжелому заводскому крепостному ярму и несколько раз бегал с заводов. Его ловили, истязали, ссылали на каторгу. Он и оттуда ухитрялся бежать, его опять

ловили и подвергали бесчеловечным истязаниям. За побег с каторги ему вырвали ноздри, и во время пугачевского мятежа Хлопуша постоянно носил повязку на носу. Дальше будет картинка — суд Пугачева над помещицей, там Хлопуша нарисован справа, на террасе помещичьего дома (см. рис. 20).

Когда Пугачев стоял под Оренбургом, оренбургский губернатор вызывал из каторжных и ссыльных — не желает ли кто тихонько пробраться к Пугачеву и убить его. За это обещали охотнику прощение всех вин и свободу. Для Хлопуши это был незаменимый предлог вырваться с каторги к Пугачеву. Он вызвался выполнить губернаторское поручение, пробрался в лагерь к Пугачеву и, конечно, остался там его верным помощником.

Для агитации среди уральских рабочих Хлопуша был незаменимый человек. Он знал Урал вдоль и поперек, как свои пять пальцев, знал многих рабочих и пользовался еще раньше известностью среди них. Он не только агитировал — он и умело организовывал рабочих. Пугачев давно знал, что на Авзяно-Петровском заводе мастерски льют мортиры. Одно из первых поручений Хлопуше было отправиться туда и руководить литьем этих орудий, необходимых артиллерии Пугачева. Позже секретарь Пугачева Иван Яковлевич Почиталин сообщал о Хлопуше на следствии: «Хлопуша склонил многие заводы и приехал оттуда с заводскими крестьянами, коих было множество, и привез оттуда множество пушек, пороху и денег». Хлопуша так и назывался у пугачевцев «над заводскими крестьянами полковник», а «заводские крестьяне» — это крепостные рабочие. Хлопуша руководил литьем орудий, производством пороха и ядер и на других захваченных заводах.

19. ВОССТАВШИЕ «ИНОРОДЦЫ».

Все заводы южного Урала были построены на старинных башкирских землях. Чтобы захватить эту землю, царское правительство просто согнало с нее башкир. Как мы помним, оно даже выстроило специальную линию крепостей, — так называемую «Оренбургскую линию», чтобы удержать за собой свой грабительский захват вооруженной силой. Немудрено, что башкиры быстро примкнули к Пугачеву. Когда Пугачев потерпел поражение под Оренбургом, он скрылся со своими войсками в Башкирию и нашел там верный приют.

В восстании Пугачева, как мы знаем, приняли участие не только башкиры: в нем участвовали еще татары, калмыки, киргиз-кайсаки, чуваши, мари, мордва и другие народы. Мы уже раньше говорили, какие причины заставили их примкнуть к восстанию и как тяжел был для них гнет русского царского правительства. Пугачев учитывал это и сознательно вовлекал «инородцев» в движение, рассчитывая на них. Среди них велась специальная агитация, падавшая на хорошо подготовленную почву. Агитаторы посылались из восставших соплеменников — агитация велась на родном для этих народов языке. Рассылались и прокламации, написанные на языке присоединившихся к Пугачеву национальностей.

Конечно, главным образом, за Пугачевым шло рядовое, часто совсем бедняцкое «инородческое» население. Богачи-старшины, мурзы и вообще богатые люди часто держали руку царского правительства, доносили ему о движении пугачевских войск, выдавали агитаторов. Но были случаи, что племена вливались в пугачевщину целиком, эксплоатация царского

правительства создавала единый фронт угнетенной народности. Так пугачевщина втягивала в себя разные классовые группы, часто враждебные друг другу. В стане самой пугачевщины велась внутренняя классовая борьба. Классовая разнородность состава восставших и невозможность их объединить единой целью была одной из причин поражения пугачевщины.

Кочевые народности вливались в восстание часто целыми племенами, с кибитками, скарбом, женами, детьми. Башкиры, калмыки и другие «иноверцы» были лихими наездниками и формировали Пугачеву из своей среды отличные кавалерийские отряды. Из среды тех же «иноверцев» приходили к Пугачеву опытные агитаторы, хитрые и ловкие разведчики, проникавшие глубоко в стан царской стороны и приносившие важные сведения.

Выделялись из среды нерусских национальностей опытные агитаторы и вожди. Одним из видных пугачевцев был башкирский вождь — «походный полковник» Салават Юлаев.

Он вошел в пугачевское движение совсем молодым, почти юношей. Его отец — Юлай Азналихов был владетельным башкирским старшиной. Русский заводчик Твердышев отобрал землю Юлая под завод, но, конечно, не только этот факт питал ненависть семьи Юлая к русским насильникам. Юный Салават Юлаев быстро примкнул к пугачевщине. Он был талантливым поэтом — мог без всякой подготовки сразу сочинять и петь свои башкирские песни — импровизировать... Отличный наездник, в железной кольчуге, не боявшийся кровопролитных схваток, Салават Юлаев не раз руководил победоносными боями пугачевщины, брал крепости и заводы.

До нас дошли многие указы полковника Салавата Юлаева. Он действовал в разных районах. Есть указы из Красноуфимского района: он дает самые разнообразные распоряжения, касающиеся всех сторон жизни восстания, строго поддерживает внутреннюю дисциплину, смещает провинившихся старшин, преследует взяточничество и притеснения в восставших деревнях: «со здешними гражданами — дает он распоряжение новому, им назначенному атаману — поступать добропорядочно, побор, притеснений и налогов ни под каким видом никому не чинить и ко взяткам не касаться». А революционные завоевания в борьбе с контрреволюцией Салават приказывает «до последней капли крови охранять и оборонять».

О страшной судьбе Салавата Юлаева, попавшего в руки царского правительства, мы узнаем дальше.

Огромные массы разных приволжских и уральских нерусских народностей, втянутые в пугачевщину, составляли ее значительную силу. Но пугачевщина оказалась пестрой по своему классовому составу, в ней шла внутренняя борьба, и в этом была ее слабость. В то время, как уральские заводы составляли важную опору Пугачева и некоторые из них он оставлял, налаживая на них производство орудий, ядер, пороха, — башкиры считали заводы своим главным врагом: ведь они были построены на насильно отнятых кровных башкирских землях. Башкиры поджигали заводы, не оставляли камня на камне. В заводских рабочих трудовой башкир не мог еще ясно рассмотреть своего классового союзника — он подчас видел в нем лишь ненавистного «русского» захватчика башкирских земель, своего поработителя. В лагере Пугачева скрыто развивалась глухая классовая вражда.

20. ПОД КАЗАНЬЮ.

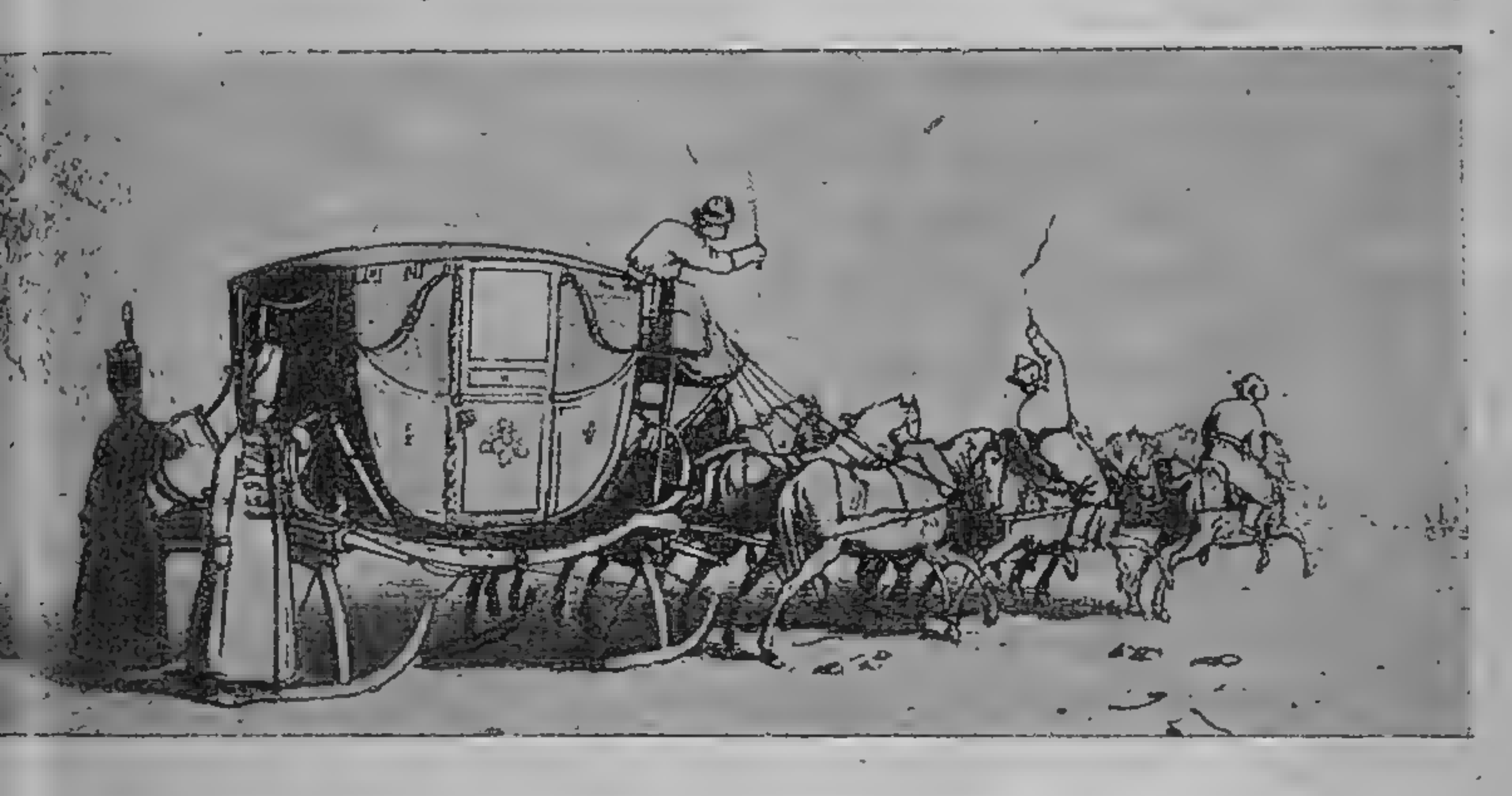
Потерпев поражение под Оренбургом, Пугачев скрылся в Башкирию. Вновь собрав свои силы, подкрепив отряды, Пугачев появился снова перед правительственными войсками, еще более сильный и грозный. К нему примкнула масса помещичьих крестьян, царских крестьян, заводских рабочих, пришли волжские рабочие — бурлаки, подоспели новые партии башкир, вотяков, татар. Переправившись через Каму, Пугачев взял Воткинский и Ижевский заводы и присоединил к своей армии еще много новых рабочих. Со взятием этих заводов ему открылась прямая дорога на Казань — важный военный пункт, крупный торговый город. Это была надежда царского правительства в борьбе с пугачевщиной, столица Поволжья.

Тогдашняя Казань раскидывалась недалеко от левого берега Волги между реками Казанкой и Булаком. Это был главным образом деревянный город: каменных построек было мало. Город делился на три части: в центре была крепость — Кремль, около него — собственно город. Кругом города — слободы. Самыми крупными зданиями города были гостиный двор и девичий монастырь. Из этих зданий было бы удобно обстреливать крепость — Кремль. На защиту Казани был послан генерал Петр Потемкин, брат любимца самой царицы — Григория Потемкина. Генерал, надувшись, как индейский петух, гордо заявлял, что он скорее умрет, чем сдаст Казань Пугачеву. Посмотрим, что из этого вышло.

Как только помещичья и чиновная Казань услышала о приближении Пугачева, в ней началось великое смятение. Помещики хотели было из имений спрятаться в Казани от своих крестьян, а тут «злодей» Пугачев

уже к самой Казани подошел! Снова отдавались приказания запрягать кареты и экипажи, захлопывались сундуки, привязывались к задкам карет баулы — помещичьи семьи, дрожа от страха, бежали в Пензу, в Симбирск, в Москву. Все улицы были запружены экипажами бегущих помещиков. Многим врагам пугачевщины удалось скрыться.

Оставшиеся в страхе стали готовиться к обороне. Город окружили рвом — слободы Суконная, Адмиралтейская, Архангельская остались по ту сторону рва.

18. Дворянская карета в 18 веке. (Из Аткинсона).

По рву натыкали рогаток, расставили патрули. Между заводами и рощей, примыкавшей к Арскому полю, шел особенно опасный для осажденных — сибирский тракт. Доверять дворовым и рядовым солдатам не приходилось. Чувствовалось по их враждебным взглядам и отрывкам речей, что они в душе на стороне Пугачева.

Дворяне пытались образовать свою оборону. Были мобилизованы гимназисты. Директор Казанской гимназии закупил ружья, обучал дворянских сынков-

гимназистов стрельбе и образовал из них отряд. Но он очень просил, чтобы его благородных воспитанников не смешали с «подлой чернью» и поставили где-нибудь отдельно от «простого народа».

Гимназистов и поставили у Арского поля защищать сибирский тракт.

В один из следующих дней, в жаркий июльский полдень, на дороге из села Мамадыш взвился столб пыли. Это скакал гонец от богатого татарина Мусалима Алмаметова к казанскому губернатору. Гонец вез спешное письмо — в письме написано было, что Пугачев со своими отрядами уже пришел в село Мамадыш. Навстречу пугачевцам выслали отряд под командой Толстого. Отряд был разбит, начальник убит, а большинство солдат присоединилось к Пугачеву. Казань была осаждена. На Арском поле, из садов, вышел какой-то седобородый старик и пробрался к Пугачеву. Это был его тайный сторонник в осажденной Казани, он сообщил Пугачеву о внутреннем состоянии города.

Осадой руководили сам Пугачев и Белобородов. Они обошли укрепления, расставили пушки. Сам Пугачев был прекрасным артиллеристом и стрелял почти без промаха. Отряды были разделены на четыре колонны. Быстро были захвачены слободы. Гимназический отряд был смят, путь к Казани открылся через Арское поле. Городская беднота и рядовые солдаты восторженно переходили на сторону Пугачева. Город был взят 12 июля 1774 года. Ничтожная кучка правительственных войск и дворян, с генералом Потемкиным во главе, заперлась в Кремль, дрожа от страха. Имущество дворян было захвачено и разделено между восставшими. Пугачев, сидя в кресле, принимал депутации татар, принесших ему богатые подарки.

Взятие Казани произвело громадное впечатление на всю дворянскую Россию. Оно ясно показывало, как силен Пугачев. Правительство решилось напрячь все силы в борьбе и двинуло на Казань значительные военные силы во главе с генералом Михельсоном. Пугачевцы были выбиты из Казани. Два раза они вновь пытались взять Казань, но безуспешно. Казанские бои — второй решительный переломный момент пугачевщины.

17 июля Пугачев переправился со своими отрядами через Волгу, двинулся на Чебоксары и оттуда на юг, по Волжским притокам и вниз по Волге. Движение пошло по старым, коренным крепостным местностям, густо населенным помещичьими крестьянами.

21. РЕВОЛЮЦИОННОЕ КРЕСТЬЯНСТВО.

После Казани движение Пугачева вступило в новый, третий, период.

Первый период закончился поражением под Оренбургом. Пугачевщина была в тот период больше всего казацким и «инородческим» движением. От Оренбурга до Казани пугачевщина главным образом опиралась на заводских рабочих и башкир. Но с Казани крепостное крестьянство с такой силой стало вливаться в пугачевщину, что затмило значение других ее участников. С Казани пугачевщина приобретает особенно отчетливый смысл крестьянской войны с помещиками, крестьянской революции.

В самом начале пугачевщины, обсуждая свои планы с яицкими казаками, Пугачев обдумывал вопрос — на кого бы ему опереться, если его не поддержит яицкое казачество.

— Тогда я пойду мимо Яицкого городка и стану пробираться на Русь, — сказал он.

— Как же так? — возразили его товарищи. — С кем итти-то? Ведь у нас немного людей будет...

— Нет, я думаю, ко мне много пристанет, — ответил Пугачев. — Во всей России чернь бедная терпит великие обиды и разорения. Для нее-то и хочу теперь показаться, и она вся ко мне пристанет...

Этой «чернью» и было прежде всего крепостное помещичье крестьянство.

Когда Пугачев уже отошел от Казани — «храбрый» ее защитник Потемкин доносил с ужасом правительству: «Не можно представить, до какой крайности весь народ в здешнем крае бунтует».

Другой правительственный слуга — губернатор, писал:

«Несчастье велико в том, что рассыпанные злодеи, где они касались, все селения возмутили и уже без Пугачева делают разорение, ловят и грабят помещиков».

В своих манифестах Пугачев сумел изложить довольно отчетливую крестьянскую программу. Прежде всего он объявлял крестьянам волю, освобождение от крепостной зависимости, «жаловал» крестьян землею, лесами, реками. Помещиков манифест объявлял «злодеями», велел их казнить смертью, а имущество их забирать. Ведь все помещичье имущество нажито крестьянским трудом, вся их сладкая еда и питье были «крестьянского кошта» — а теперь время помещичьей эксплоатации кончилось.

Вот как обо всем этом писалось в манифесте:

«Жалую вас землею, рыбными ловлями, лесом, бортями, бобровыми гонами [1] и прочими угодьями, также — вольностью... А если кто не будет на сие мое

---

[1] Борть — пчелиный улей в дупле дерева; бобровый гон — место, где водятся бобры.

19. Пугачев в деревне среди крестьян. (С картины Н. Дроздова. Музей революции СССР — Москва.)

воздаваемое милосердие смотреть, яко то: помещики и вотчинники, — тех, как сущих преступников закона и общего покоя, злодеев и противников против воли моей императорской, лишать их всей жизни, — т. е. казнить смертью. А домы и все их имение брать себе в награждение. А оное их помещиков имение и богатство, также яство[1] и питие было крестьянского кошта, тогда было им веселие, а вам отягощение и разорение...»

В другом манифесте Пугачев так же ясно писал:

«Кои прежде были дворяне в своих поместьях и вотчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян — ловить, казнить и вешать».

Эти лозунги были хорошо понятны крепостному крестьянству. Они вслух высказывали его давнишние, затаенные мысли. Целые деревни отправлялись навстречу Пугачеву. Конные переходили в его отряды, пешие отправлялись обратно в деревню, шли всем скопом в барскую усадьбу, хватали помещика или управителя и сами расправлялись с ними или вели на расправу к Пугачеву. Вот картина известного художника Перова — суд Пугачева (см. рис. 20). Перед Пугачевым стоит барыня-помещица — сколько ненависти и страха в ее взгляде и сжатой руке! Пугачев спокойно на нее смотрит. Барыня похожа лицом на Екатерину II. Самой царицы, конечно, и близко не было, — она дрожала от страха в далеком Петербурге. Но у художника был дерзкий замысел — столкнуть лицом к лицу дворянскую царицу Екатерину и крестьянского «царя» — Пугачева.

Имущество помещиков вытаскивалось из усадьбы, делилось поровну. После этого наступавшая ночь

---

[1] Еда.

20. Суд Пугачева. (С картины художника В. Г. П е р о в а.)

часто озарялась пожаром: пылали помещичьи усадьбы. Крестьянам казалось, что барин никогда не вернется, если испепелено само барское логово. Куда он придет?— нет ни дома, ни усадьбы. Мелкобуржуазное крестьянское сознание не могло охватить настоящих политических целей борьбы, понять, что надо разрушить весь крепостной строй, бороться до полной победы...

Но грозные картины расправы пугачевцев с помещиками навсегда запомнились дворянам. Поэтому даже самое слово «пугачевщина» не переставало до смерти пугать всю дворянскую Россию до самого конца ее дней.

Двигаясь от Казани к югу, Пугачев взял Пензу, Саратов, двинулся к Царицыну. Под Сарептой (теперешним Красноармейском) 26 августа 1774 г. произошло решительное сражение с правительственными войсками, кончившееся поражением Пугачева. Дальше будет рассказано о конце пугачевщины. А теперь посмотрим, что же делалось во время пугачевщины в центре России?

22. ПОД МОСКВОЙ ВО ВРЕМЯ ПУГАЧЕВЩИНЫ.

На окраинах России — на Яике, в Поволжьи, на Урале положение крепостных и вообще трудового народа было особенно тяжелое. Но мы знаем, что целью Пугачева была Москва. Он не дошел до нее, свернул с дороги. Но каково было настроение крестьян под Москвой, вообще в центральной России? Было ли здесь крестьянство против Пугачева или ждало его с нетерпением как своего освободителя? Конечно, в центре России жили не только крестьяне-бедняки и страдавшие от крепостного права господские рабы. Тут случалось и зажиточное крестьянство, связанное с Москвой торговыми промыслами. Но сейчас мы ведем речь

именно о страдавшем от помещика крепостном крестьянине, ненавидевшем крепостничество всеми силами души.

Пусть нам ответит на наш вопрос помещик центральной России Андрей Тимофеевич Болотов. Он жил в то время недалеко от Москвы, часто наезжал в нее, много наблюдал и знал. Он оставил нам замечательные «Записки», в которых есть ответ на наш вопрос.

Болотов был помещиком средней руки. Его имения не давали ему большого дохода. Поэтому он с удовольствием принял предложение одного князя управлять его большим имением. Веселый и довольный поехал Болотов, ни о чем не помышляя, в Москву. Это было в самом начале пугачевщины. В Москве и дошел до Болотова слух о «бездельнике и бунтовщике Емельке Пугачеве». «Все смеялись только тогда дерзновению сего злодея и надеялись, что отправленные для усмирения его команды скоро все сие уничтожат и злодействам его скоро конец сделают».

Но не тут-то было! Господам дворянам скоро пришлось задрожать. «Но как мало знали все мы тогда, что воспоследует после и какой великий пожар произведет сия искра!» Через несколько времени Болотов опять поехал в Москву по делам межеванья. Он так был уверен, что «бездельник Емелька» сущая ерунда, что даже отпустил своих лошадей и остался в Москве, думая, что все обойдется. Но только он успел отослать лошадей, как прибежали к нему знакомые и рассказали страшные вести. Этими вестями была полна вся Москва.

«Злодей Емелька», оказывается, разбил посланные ему навстречу отряды, собрал себе «почти армию из бессмысленных и ослепленных приверженцев» (вот как думали дворяне о восставших крестьянах!) «и не только грабил и разорял все и повсюду вешал и зло-

цейскими казнями умерщвлял всех дворян и господ»... Самую Казань Пугачев уже взял...

Волосы на голове Болотова встали дыбом, поджилки затряслись. Он бросился бегать по Москве. Что же он увидел? Москва походила на вооруженный лагерь. Всюду ходили солдатские патрули. Шли приготовления к настоящему бою. Ждали Пугачева. Вот площадь перед домом «главнокомандующего Москвою» князя Волконского. Она вся уставлена пушками. («А дом Волконского близехонько от моей квартиры! — с ужасом думает Болотов. — Начнут стрелять, тут мне и капут».)

Дворовая прислуга господ глядела на своих бар такими глазами, что от одного этого взгляда у бар тряслись поджилки. Ясно видно было, что это — враги. Для своих «людей» и для враждебного «простонародья» господа не находили других слов, как «подлость» и «чернь». Так называли они трудящихся. «Вся подлость и чернь, — писал Болотов,— а особливо все холопство и наши слуги, когда не въявь, так втайне, сердцами своими были злодею сему преданы. В сердцах своих вообще все бунтовали и готовы были при малейшей возгоревшейся искре произвести огонь и поломя».

А тут еще молва рассказывала, что делали крепостные с помещиками в районе пугачевщины! Кровь останавливалась в жилах московских помещиков.

«Глупость и крайнее безрассудство нашего подлого народа,— пишет дальше Болотов,— была нам слишком известна. При таких обстоятельствах не могли мы на верность наших слуг никак полагаться, а паче всех их и не без основания почитали еще первыми и злейшими нашими врагами. Как поступали они в низовых и прямо тогда несчастных местах со своими господами? Либо сами душили, либо предавали в руки на казнь злодею Пугачеву». «Низовые места» — это Поволжье.

«Мы только смотрели и ждали, что при самом отдаленнейшем еще приближении его к Москве вспыхнет в ней пламя бунта и народного мятежа».

Еле достал Болотов лошадей и полетел прятаться в имение Киясовку, недалеко от Коломны. Здесь все-таки, казалось ему, подальше от Пугачева. Ведь его цель — Москва, а не какая-то несчастная Киясовка! Может тут и будет поспокойнее. Не тут-то было! Только приехал Болотов, как из других княжеских имений прискакали к нему «без души» все тамошние начальники, старосты, бурмистры, с донесением, что у них в краю сделалась «превеликая тревога».

— Что такое? — «испужавшись» вскричал Болотов.

— Не знаем, сударь, а была только от частных смотрителей строгая повестка, чтобы немедленно от каждых ста душ крепостных наряжали по два человека вооруженных — одного пешего, другого конного. И немедленно отправлять в Коломну.

Правительство поняло, что мало перевести на осадное положение Москву. Надо привести в боевую готовность и весь московский край. Надвигается гражданская война. Но как это сделать? Один выход — объявить мобилизацию крепостных, усилить войска. Но разве можно положиться на крепостных? Эта мобилизация была продиктована безвыходным положением, отчаянием. У Болотова потемнело в глазах, и он по собственному признанию «так испужался, что долгое время не в состоянии был вымолвить ни одного слова».

Делать было нечего, был отдан приказ набирать новых солдат.

По коридору в это время раздался топот ног. Бежал кто-то толстый, неуклюжий, плакал, задыхался. Это была барыня, жена Болотова. «В неописанном страхе и ужасе» стали все домашние обсуждать положение.

— Ах, господи!—кричала плача жена Болотова.— Ну, если он сюда придет, что с нами, бедными, будет! Погибнем мы все, как черви капустные!.. И нас всех он так же перебьет, передушит и перевешает, как низовских дворян! Куда нам деваться и где искать спасенья себе от такой беды и напасти!

— Пустое, матушка!— храбрился Болотов.— Вот мы сейчас вооруженный народ собираем. Он утрет Пугачеву нос!..

— Ох, батюшка ты наш!— воскликнули домашние.— Да можно ли на эту сволочь положиться? Не такие же ли они глупые бородачи, как и пугачевские! Не восстанут ли еще сами вместе с ними против нас? Ахти! Ахти! Какая беда! И зачем нелегкая принесла нас в Киясовку! В нашем имении было бы надежнее и лучше!

— Да, как бы не так!—со страхом вскричал Болотов.— Мы здесь в меньшей опасности, нежели дома. Там наши люди первые могли бы быть нашими злодеями и врагами. А здеь мы недавно, мы — сторона дело. Ничем мы им еще не нагрубили...

Вскоре Болотову доложили, что вновь набранные «уланы» уже собрались у крыльца. Он решился принять бодрый вид, прикинуться спокойным и прочесть «уланам» «нотацию», чтобы они храбро сражались со «злодеями» пугачевцами.

Обратясь к одному из них — «самому ражему и бойкому из всех» Болотов сказал:

— Вот эдакому как не драться! Один десятерых может убрать!

В ответ на это «самый ражий и бойкий», «злодейски усмехаясь», отвечал:

— Да! Как бы не так! Стал бы я бить свою братию! А разве вас, бояр, так готов буду десятерых посадить на копье сие!

Болотов, услыша это, по его собственным словам «оцепенел». Но страх перед народным восстанием был так велик, что ему показалось безопаснее ничего не сделать в ответ, «проглотить сию горькую пилюлю» и только еле слышно пробормотал:

— Дурак! Что ты мелешь... Хорошо, братец... Ступай...

А про себя он подумал:

«Вот каковы защитники и оборонители в сердцах своих! Вот и жди от них доброго!»

Из этих сценок мы видим, что крепостное крестьянство в своей массе было готово к приходу Пугачева и ждало его. Пугачев свернул с дороги на Москву, и поэтому трудно сказать, что было бы, если бы он пришел. Но горючего материала, готового вспыхнуть от первой искры восстания, было в центре России очень много.

23. КОНЕЦ ПУГАЧЕВЩИНЫ.

Пугачев стремительно двигался к югу. Внутренняя борьба в его лагере, видимо, подтачивала его силу. Группы яицкого и волжского казачества, являвшиеся раньше спайкой огромной, недостаточно организованной крестьянской массы, после выдержанных боев сильно истаяли. То же явление, что и в разинщине, было слабостью крестьянской революции: восстание вспыхивало ярко в какой-нибудь деревне или районе, расправлялось со своими местными властями и господами-помещиками и тут же исчерпывало себя, затухало на месте. Цель местного крестьянства была достигнута; крестьянство не могло осознать общих целей движения, как борьбу со всем крепостным строем в общероссийском размахе. Кроме того на юг Пугачева гнал голод — он надеялся найти там хлеб и большое коли-

чество другого провианта. Главное же — Пугачев надеялся найти поддержку в донском казачестве. До него дошли очень быстро вести о том, что закончилась русско-турецкая война и большое количество освободившихся на фронте войск будет брошено правительством на борьбу с ним. Ему надо было укрепить основное боевое ядро своего войска — казачество. Только на Дону он мог рассчитывать на это.

Под Саратовым к Пугачеву присоединились волжские казаки. За Саратовым его нагнала толпа рабочих, шедших за ним с самой Казани. В Камышине к Пугачеву присоединилась группа украинских казаков, под Царицыным — 3000 ставропольских калмыков. Но вновь присоединившиеся не имели за спиной революционного опыта прежней основной массы пугачевцев и были неустойчивыми борцами, — остальная же масса пугачевцев была плохо организована и вооружена.

Решительный бой произошел под Сарептой. 26 августа 1774 г. Пугачев был схвачен своими же сообщниками — казацкими «генералами» Твороговым и Чумаковым и выдан правительству.

Захватив «злодея», дворянство торжествовало. Оно утопило в крови разрозненное крестьянское восстание, жестоко расправилось с зачинщиками. Конечно, крестьянский революционный протест не был «усмирен», он был загнан внутрь, затаился и вновь возник в революционных движениях следующего века. Пугачев, возможно, сознавал это. Когда командующий войсками, усмирявшими пугачевщину, граф Панин подошел к Пугачеву в клетке и, заикаясь, спросил его:

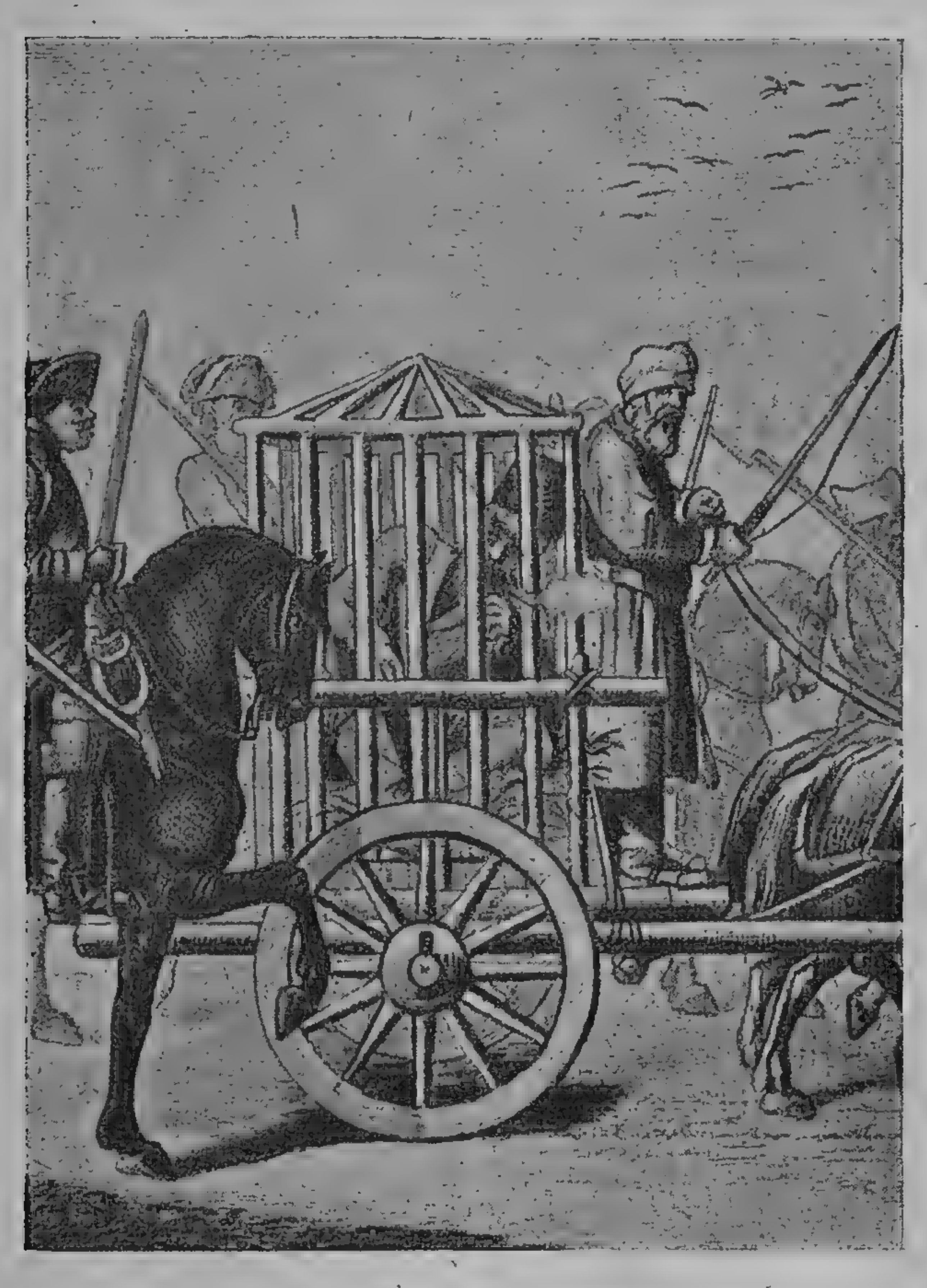
— Как ты смел, вор... пойти на своего государя?

Пугачев ответил, играя словами:

— Я не ворон. Я — вороненок. А ворон-то еще летает...

Пугачева казнили в Москве на Болотной площади, за Москвой-рекой.

Казнь Пугачева видел тот же дворянин Болотов.

21. Пугачев в клетке.

Вся дорога до Каменного моста и Болотной площади была усыпана народом. Его было бесчисленное множество. Но лишь «господа дворяне» допускались на

место казни. Болотная площадь была оцеплена войском и «внутри сего обширного круга, — пишет Болотов, — не пускаемо было никого из подлого народа. А дворян и господ пропускали всех без остановки».

Этих господ набралось в круг «превеликое множество». Они съехались в каретах, экипажах, с женами и родственниками насладиться страшной дворянской местью классовому врагу. «Можно было зрелище тогдашнее почесть и назвать истинным торжеством дворян над сим общим их врагом и злодеем» — правильно замечает Болотов.

Пугачева подвезли на высокой повозке и возвели на помост. Вокруг помоста стояли его сообщники и товарищи по революционному делу. Может быть тут были и Белобородов и другие. По выдумке правительства, все должны были быть казнены — повешены или зарублены в одну и ту же минуту, все вместе. Так торжествовало дворянство свою победу.

Секретарь стал читать сенатский приговор. Пугачев стоял совершенно спокойно и слушал, молча. Болотов и его приятели протискались сквозь толпу и стали совсем близко, саженях в трех от помоста, и жадно смотрели на «общего» дворянского врага. Под окружающие виселицы уже подвели товарищей Пугачева, надели им на головы смертные колпаки, головы продели в петли...

По приговору Пугачев должен был быть «четвертован», как и Степан Тимофеевич Разин. Дворяне с затаенным дыханием ждали его мучений — вот отрубят ему живому руки, потом ноги, и лишь потом, когда он намучится — голову. Вот палач сдернул с него тулуп и платье, положил на колесо, взмахнул топором...

Но что это? Дворянская толпа, пораженная, зашумела, подалась вперед... Палач не стал сначала рубить рук и ног, а сразу отсек Пугачеву голову...

— Что ты делаешь, мерзавец!..— заорал на него приставленный чиновник.— Руби же скорее руки...

Палач-мужик оказал последнюю «милость» мужицкому «царю» Пугачеву, — дал ему возможность умереть без лишних мучений.

Страшной казнью казнили и Салавата Юлаева — башкирского революционера и поэта.

Его водили по всем башкирским селениям, где он поднимал восстание, и всюду били кнутом. В последнем селении ему вырвали ноздри и выжгли на теле раскаленным железом слова «вор» и «убийца». После этого решили сослать его на всю жизнь в тяжкие каторжные работы. Но выжил ли он для каторги после всех этих истязаний — неизвестно.

Пугачевщина не сразу прекратилась после казни вождя. Еще долго то тут, то там вспыхивали разрозненные восстания. Правительство жестоко их подавляло. Появлялись новые «цари Петры», появлялись новые организаторы, называвшие себя «Пугачевыми». Но в основном восстание было подавлено.

24. БЫЛА ЛИ ПУГАЧЕВЩИНА «БУНТОМ БЕССМЫСЛЕННЫМ И БЕСПОЩАДНЫМ»?

Дворянские историки стремились внушить, что пугачевщина — «бунт бессмысленный и беспощадный». Была ли она действительно, как стремились они объяснить, простым грабежом, бессмысленным убийством, делом шайки «бездельников» и «злодеев»? Конечно, нет! Это — ложь и клевета на пугачевщину.

Мы видим прежде всего, что пугачевщина имела свою программу и ясно видела, где находятся ее классовые враги. Она шла против помещика, против богатея-купца, против царской бюрократии. Дворянскую ца-

рицу Екатерину II она хотела заменить мужицким царем — Пугачевым-«Петром III». Вот очень интересный портрет Пугачева (см. рис. 22). Вы замечаете в шапке Пугачева чьи-то глаза, другое лицо... Что это такое? А вот что: в захваченных Пугачевым местностях, в канцеляриях часто встречались портреты царицы Екатерины II. Какой-то художник, сторонник Пугачева, может быть по заказу пугачевцев, прямо по портрету царицы нарисовал портрет Пугачева. Портрет попал теперь в Исторический музей, там сняли часть краски — и из шапки Пугачева... выглянула царица Екатерина II.

Пугачевщина объявляла свободу от крепостника-барина, от царских налогов, от царской тюрьмы: колодники и все заключенные царским правительством в тюрьмах выпускались на свободу. Программа Пугачева объявляла, что крестьянам отдаются земля и помещичье имущество. Все это было понятно и близко крестьянину. Но слабость пугачевской программы, как и разинской, состояла в неясном представлении будущего строя. Против чего бороться, что надо разрушить, — это пугачевцы понимали, — но какой строй создать, разрушив, это было для них далеко не так ясно. «Быть всем вечно казаками», посадить на престол мужицкого царя — вот и все, что они придумали.

Другая главная слабость пугачевщины была в пестроте ее классового состава и в отсутствии класса-руководителя. Внутри пугачевщины боролись разные интересы, и по-настоящему объединить, спаять единой революционной волей пугачевщину было некому. Русская история показала, что только пролетариат может выполнить эту роль и до конца повести крестьянство по революционному пути. Но в ту эпоху пролетариата еще не было. Заводские рабочие играли, правда,

22. Портрет Пугачева, нарисованный по портрету царицы Екатерины II. (Государственный Исторический музей в Москве.)

огромную роль в пугачевщине, но они еще далеко не сложились в настоящий пролетариат и не могли выполнить руководящей роли.

Дворяне, напуганные «Пугачем» (так они называли Пугачева), всячески старались себе на утешение представить пугачевскую армию как «сброд», «толпу», без всякого руководства и внутренней организации. Мы уже видели, как неверно такое утверждение. Пугачевщина имела, как и разинщина, свою ясную революционную организацию.

Прежде всего — в ней было свое боевое ядро, свои регулярные войска. В войсках этих различались и различные роды оружия: была пехота, были артиллерия и кавалерия, были свои саперные части. Во главе всех отрядов стояла «Государственная военная коллегия» Пугачева, бывшая и военным штабом и центром всего движения в целом. Эта коллегия издавала указы, манифесты и прочие распоряжения, руководила сложной системой агитации. Во главе отдельных частей стояли и свои «генералы» и «полковники»; часто они были выборные. У Пугачева была своя канцелярия, свой архив («архива», как говорил Пугачев), свой секретарь. Были даже канцеляристы, знавшие иностранные языки. У начальников отдельных отрядов были свои помощники и заместители: так начальником артиллерии — «главным над артиллерией был яицкий казак Федор Чумаков, а под ним Алексей Тиомнов, яицкой же казак». В армии поддерживалась дисциплина, за непослушание грозили серьезные кары.

Для правильного действия армии и сохранения завоеваний нужен был не только организованный фронт, но и организованный тыл. Прежде всего нужна была организация продовольственного дела и дела снабжения боевыми припасами. Как организовывалось последнее — мы уже знаем: базой Пугачева были захваченные заводы, поставлявшие ему ядра, пушки. А вот,

например, документ о заботах пугачевщины о продовольственном снабжении:

«Указ его императорского величества, самодержца всероссийского из государственной коллегии атаману Илье Арапову.

Через сие повелевается тебе имеющийся в окрестных селениях барский всякого рода хлеб приказывать, кому способно: немолоченный молотить, а намолоченный молоть и, смоловши, присылать в здешнюю армию тех же или прочих жителей равенственно на подводах. А за провоз тем подвозчикам выданы деньги из казны будут. И сколько ж будет от тебя отправлено сюда, рапортовать. А как одному тебе порученное сие дело вскоре исполнить нельзя, то позволяется тебе выбирать по себе поверенных и посылать в те жительства с данными от тебя наставлениями, с принадлежащим числом конвоем, для высылки сюда в армию всякого молотого хлеба, также и овса, сколько найдется, выслать же.

Да и то наблюсти, чтобы посланные от тебя поверенные не отваживались чинить крестьянам никаких обид, в противном случае подвергнут себя его величества гневу. И порученное сие дело исполнить тебе как можно наискорее. Публикацию ж, при сем приложенную, объявлять во всяком селении и чинить по сему его императорского величества указу во всем непременно».

Это показывает, что пугачевская «военная коллегия» заботилась о правильном производстве полевых работ, о снабжении войск хлебом и оружием. За крестьянские подводы, доставляющие хлеб, приказывалось платить деньги и строго предписывалось не чинить крестьянам никаких обид.

Захваченные денежные суммы сдавались в общую казну. Был такой случай: башкиры захватили с Ро-

ждественского завода полторы тысячи рублей и сдали деньги в общую пугачевскую казну. Эти деньги оказались зарплатой рабочих Рождественского завода. Узнав об этом, пугачевская казна выплатила рабочим зарплату.

Таким образом все рассказы о пугачевщине, как о «бессмысленном и беспощадном бунте» — дворянская клевета.

25. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Разинщина и пугачевщина — крестьянские революции. Но они развивались, как мы видели, в разные исторические эпохи. Разинщина возникла тогда, когда крепостной строй еще не вполне укрепился, когда самодержавное государство еще недостаточно окрепло. Пугачевщина же развернулась в эпоху развитого крепостного строя, когда крестьянин закрепощен был полностью, когда стало крепким чиновничье управление. Но обе эти крестьянские революции кончились неудачей. Распыленное мелкое крестьянство, разбитое на отдельные деревни, деревеньки, дворы, не могло выработать отчетливой идеологии, не сумело спаять воедино всю революционную массу и привести ее к победе. Казачество, более организованное, чем крестьянство, руководило и разинщиной и пугачевщиной, но не могло довести их до победы над классовым врагом.

Вот посмотрите на эту диаграмму (стр. 107) — состав населения России только через 37 лет после пугачевщины, в 1812 г. Состав населения немногим изменился. Огромный крестьянин ($85^1/_2$ процентов всего населения!) держит на рукавице все остальные слои населения — дворян, купцов, попов... Кажется стоит ему только сжать руку в кулак — и от эксплоататоров трудящихся

23. Состав населения в крепостной России. (Государственный исторический музей в Москве.)

только мокренько останется. Но не тут-то было: и разинщина и пугачевщина оказались раздавленными. В то время еще не созрел руководитель крестьянства — рабочий класс: он еще не определился как класс, да и к тому же число рабочих (оно включено на диаграмме в число крестьян) было еще ничтожно.

Вот что сказал Ленин о крестьянских революциях: «Все попытки мелкой буржуазии вообще, крестьян в частности, осознать свою силу, по-своему направить экономику и политику, кончались крахом».

Крахом кончились и разинщина и пугачевщина. Будущая история показала, что по-настоящему руководить революционной борьбой крестьянства может лишь пролетариат, — единственный до конца революционный класс, ставящий своей целью освобождение всего трудящегося человечества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

558

Дефектны

кр. подчер.

Стр. 7, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 46, 48, 49, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 69, 74, 75, 78, 82, 83, 86, 87, 88, 92, 94, 97, 98, 101, 102, 105

20/XII 38 г.

